

Владимир Филиппов

ОЛЕГ ВЪЩИЙ

Неведомая Русь

Владимир Филиппов

Олег Вещий

«ВЕЧЕ»

2017

Филиппов В. В.

Олег Вещий / В. В. Филиппов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-7170-4

Вещий Олег, «Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго», один из самых знаменитых русских князей, чья жизнь скрыта завесой тайны. Вещий Олег достиг вершин славы и власти, опираясь не столько на свой острый меч, сколько на точный расчет. Его жизнь была чередой смелых и рискованных походов, каждый из которых неизменно оканчивался успехом. Олег стал первым руководителем славянского государства, объединившим Север и Юг. Как сказал Н.М. Карамзин: «Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских». Он создал и собрал воедино огромное государство, которым сам долгое время и управлял. Именно Олег дал ему громкое и красивое название – Русь, с которым оно вошло в историю. Заставил Византию уважать Русь. Урезал границы Хазарии. Он не любил защищаться, потому нападал всегда первым. Под его властью оказались все самые важные торговые пути Средневековья, что давало изобильный денежный поток в казну. Торговля при нём переживала небывалый расцвет. В книге на основе известных исторических фактов, сведений из летописей, материалов, собранных современными историками, рассказывается об одном из самых прославленных и загадочных князей Киевской Руси – Вещем Олеге.

ISBN 978-5-4484-7170-4

© Филиппов В. В., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава 1. Вступление	7
Глава 2. Славяне под Рюриком	14
Глава 3. Несколько слов о теории норманизма	34
Глава 4. Победа варягов. Великий Каган	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Валерьевич Филиппов

Олег Вещий

© Филиппов В.В., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

Глава 1. Вступление

«Только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежной опорой». Эта аксиома выведена рукой великого русского историка Н.М. Карамзина. Спорить в этом случае бессмысленно. Жизнь героя далека от обыденности. Она видится чередой подвигов, приключений, на основе которых создаются мифы и легенды, живущие в веках. Герой гордо стоит на своём, воздвигнутом для себя пьедестале, настолько высоко, что от обычных людей его отделяет пропасть. Чаще всего он сам прилагает к этому руку, стараясь возвеличить свои деяния и подчеркнуть свою славу. «*Воителю слава – отрада*», как говорил А.С. Пушкин. Каждый воздвигает сам себе монумент. Это было важно во все времена. В те лета, о которых пойдёт повествование, это было необходимо втройне. Легенды, солдатские байки и даже слухи, одним словом, сарафанное радио, самая эффективная реклама тех далёких дней. Вождь тем популярнее, чем больше о нём говорят, а значит, больше воинов готово встать под его знамёна. Со счастливым да удачливым вождём воевать легче, больше надежды остаться в живых и вернуться с добычей и славой. Удача, она хоть и капризна, но кого-то любит, а кого-то и нет. И эта удача много стоит в жизни любого воина. Легенды и слухи подчас удваивают силу вождя и нагоняют непомерный ужас на его врагов. После его смерти они срastaются с ним так, что отличить правду от вымысла становится довольно непросто, а иногда даже и не нужно. Народу во все времена нужны свои герои, пусть даже образ их и был далёк от реальности. Чаще всего именно легенды продолжают жить в народной памяти, заслоняя собой статистику и экономику. Образ, созданный из них за столетия, постепенно становится фигурой, имеющей зачастую очень мало общего с реальным персонажем. Вещий Олег – один из тех, кто стал легендой. Он растворился в ней без остатка. Его настоящая жизнь ушла на второй план, затёрлась и постепенно стала никому не интересна. Он стал символом, песней, сказкой, кем угодно, но только не реальным человеком. Годы и таланты умело скрыли его натуру, создали ему новый характер. О том, что он был, знают все; о том, каким он был на самом деле, лишь единицы. Ещё меньше тех, кому он нужен таким, каким он был на самом деле.

«Смерть от своего коня» – единственное, что большинство людей слышало когда-либо о вещем князе Олеге. Сюжет широко известен. Эта смерть, воспетая двумя величайшими поэтами нашей страны, стала визитной карточкой князя. Жуткая история, с которой большинство из нас знакомится ещё в раннем детстве. Кульминация запоминается надолго. «*Из мертвой главы гробовая змия, / Шипя, между тем выползала; / Как черная лента, вокруг ног обви-лась, / И вскрикнул внезапно ужаленный князь*» (А.С. Пушкин). А, казалось бы, совсем ещё недавно ничто не предвещало подобного исхода. Возможно, поэтому мы вспоминаем Вещего Олега как символ обречённости на провал любых попыток бороться с судьбой. Как оно на роду написано, так и случится. И о том, что у каждого из нас свой конь.

Вещий Олег – «*Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго*» – один из самых славных русских князей, чья биография плотно окутана завесой тайны. Вещий Олег достиг вершин славы и власти, опираясь не столько на свой острый меч, сколько на точный расчет. Его жизнь была чередой смелых, рискованных авантур, каждая из которых неизменно оканчивалась успехом. Он стал первым руководителем славянского государства, объединившим Север и Юг. Как сказал классик, «*Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских*» (Н.М. Карамзин). Завоеватель, трудясь не покладая рук, он создал и собрал воедино огромное государство, которым сам долгое время и управлял. Именно он дал ему громкое и красивое название – Русь, с которым оно вошло в историю. Он поставил на колени надменную Византию. Укоротил границы Хазарии. Он не любил защищаться, поэтому нападал всегда первым. Под его властью оказались все самые важные торговые пути Средневековья, что давало непрекращающийся поток золота в казну. Торговля

при нём переживала небывалый расцвет. Это то, что касается экономики, в плане духовном во время правления Вещего Олега были заложены предпосылки победы христианства на Руси. К тому же его можно смело назвать первым русским дипломатом. Его удача состязалась с его славой. В то же время сложно найти кого-то ещё из политических деятелей, равных ему по рангу, о которых было бы столь мало известно и кто служил бы предметом множества неверных и часто совершенно путаных оценок. Сейчас всё чаще можно услышать мнение, что *«ни о ком из князей древнерусских не создано столько легенд, сказаний, песен»*. Увы, на самом деле это утверждение далеко от действительности. Попробуйте вспомнить сами. Только зря потратите время. Нечего вспоминать и выискивать в закоулках памяти и на просторах Интернета. О Вещем Олеге нет ни единой былины. Отважные богатыри Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич известны нам наперечёт, как и их противники: Соловей Разбойник, Змей Горыныч, Идолище Поганое. Ни с кем из них Вещий Олег дела не имел. Некоторые исследователи пытаются усмотреть в Олеге прообраз богатыря Вольги Святославича, но и это не соответствует действительности, ибо ничего сходного в «биографиях» этих деятелей нет. Первым князем, упомянутым в былине, был Владимир Красное Солнышко, он же Владимир Святой. Никого из тех, кто правил на Руси раньше его, былины не упоминают. Да и песни вспомнить тяжело. Что касается легенд, то их о Вещем Олеге до нас дошло куда больше. Из них можно выделить три довольно популярных сюжета. Это убийство Олегом киевского князя Аскольда, поход Вещего Олега на Византию и самый, как я говорил, популярный – это смерть героя от своего коня.

Трудно выяснить что-либо наверняка о событиях, произошедших более тысячи лет назад, особенно о людях, которые были довольно спорными фигурами, однако мы попытаемся как можно ближе подойти к истине, опираясь на логику и изучив документы, дошедшие до нас. Для этого нужно просто извлечь из этих приукрашенных народным воображением творений достоверные исторические детали. В отношении Вещего Олега такая задача стоит потраченных усилий, поскольку князь был личностью действительно выдающейся, по сей день вызывающей интерес.

Биография Вещего Олега – дело непростое. Писатель, задумавший провести беспристрастное изучение предмета, заранее оказывается в невыгодной ситуации. Слишком непохоже лицо героя на то, что мы привыкли видеть, на наше обычное представление о нём. А именно это как раз происходит с Вещим Олегом. Он не был ангелом, однако и назвать его кровожадным тираном было нельзя. Холодный, расчетливый эгоист, умелый тонкий политик, талантливый организатор. Глупо было бы умалить заслуженную славу, но разобраться с тем, как он её добился, совершенно нелишне.

Поэтому я попробую дать правдоподобное описание событий, в которых Вещий Олег был основной действующей фигурой. Считать этот вариант изложения единственно верным наверняка нельзя, слишком много тёмных пятен, которые в этой истории нужно пытаться раскрыть, а документов, дошедших до нас, слишком мало или не существует вообще, поэтому выводы и вариации описываемых событий основаны на правдоподобности, логике и косвенных доказательствах. А выбор совершать приходится довольно часто, ведь откровенные противоречия в изложении фактов и дат встречаются практически постоянно. В этом повествовании мне придут на помощь великие умы прошлого, которых интересовали те же самые вопросы, что и меня.

Знаменитый русский историк Н.И. Костомаров заметил: *«В русской летописи Олег присутствует не столько в качестве исторического деятеля, сколько в виде литературного героя, образ которого искусственно слеплен из припоминаний в варяжских сагах о нём»*. В чём-то он прав. Князь Олег – один из наиболее таинственных персонажей самого раннего периода истории Киевской Руси, но вот скреплён он отнюдь не варяжскими сагами. Все его истории склеены иным клеем.

Честолюбивым желанием Олега было создание своей империи, этому делу он посвятил всю свою жизнь. Достигнутое им, превзошло все разумные ожидания. Правда, в конце жизни ему, возможно, довелось пережить крах. Всё, чего он смог добиться, рухнуло в одночасье, и он вернулся к тому, с чего и начинал. Правда, государство, которое он оставил после себя, живёт до сих пор. Оставаясь истинным варягом, он долгое время удерживал власть над своими подданными – славянами, сохраняя при этом их доверие. Он собирал в казну огромные деньги, умело распределяя налоги так, чтобы грабительскими они были только для тех, кто открыто противился ему или выступал против его власти. Идеализировать деятельность Вещего Олега в отношении местного населения я не буду. Для широких народных масс Олег всё равно продолжал оставаться угнетателем, завоевателем и сборщиком дани. Его ближайшее окружение составляли такие же варяги, как и он сам, наемники и викинги, обосновавшиеся на Руси. Но именно благодаря Вещему Олегу они стали считать Русь своей Родиной. Не просто второй, не новой, а единственной и настоящей! Из простых наёмников и искателей удачи они превратились в её защитников, служивших ей верой и правдой, обороняя от любого врага, не щадя своих жизней. Но Олег старался удерживать вокруг себя не только их, но и наиболее влиятельных из поддерживавших его славян, которыми весьма дорожил. И не просто дорожил, он породнился с ними, сделав таким образом первый шаг к ассимиляции на Руси викингов. Он подал личный пример такого симбиоза, который пошёл в итоге стране только на пользу. Киевский князь Олег умел удержать в узде своих многочисленных подданных и навести страх на соседей. После себя он оставил богатую процветающую страну, твёрдо стоящую на ногах. При жизни он немало сделал для славян, ещё больше он сделал для варягов. Однако первые никогда не забывали о том, что он всего лишь пришелец и по сути своей узурпатор. Поэтому едва ли мог быть прославляем и любим. Скорее его уважали, с ним считались до тех пор, пока не могли открыто бросить ему вызов.

Главной чертой характера Вещего Олега была рациональность, или, говоря по-иному, расчетливость. Кровожадной жестокостью князь не отличался, но если нужны были крутые меры, то перед пролитием крови он никогда не останавливался. Бранные подвиги его тоже не привлекали, поэтому и битв, которые бы остались в истории, за ним не числятся. Он умел применить силу, но никогда не ставил всё на кон в одном бою. Олег был искушённым политиком, не смущался пускаться в интриги, если это было нужно и давало результат. Он был истинным вождём. Но возраст берёт своё. Старость хоть и не сломила его, но притупила остроту ума и звериное чутьё на приближающуюся опасность. Но в борьбе за власть скидку на возраст никто делать не будет, здесь царят иные нравы, да и вообще стариков редко кто жалеет. Разнежился киевский князь под лучами своей славы, уверовал в своё могущество, что оно непоколебимо, тут-то его беда и настигла. Оппозиция нанесла удар, от коего князь оправиться уже не смог. Однако даже несмотря на это, он оставался фигурой, выделявшейся на фоне своих современников. Образ Вещего Олега стал интересен только в последнее время. Вот сейчас он тиражируется действительно без конца, предстывая в различных вариантах, пусть и не былинных, но все же далёких от какой бы то ни было реальности.

Возможно, что-то из того, что вы только что прочли о Вещем Олеге, вам покажется спорным, невероятным, а возможно, даже совсем неверным, но не торопитесь делать скороспелые выводы, ибо для каждого изложенного здесь тезиса на страницах этой книги найдётся своё подтверждение.

Рассказав кратко о герое нашей книги, я постепенно перейду к материалам, на основе которых она была написана. Говорят, что информации о тех далёких временах, когда киевский князь Олег жил и правил, осталось крайне мало и она настолько отрывочна и недостоверна, что какие-либо выводы и теории на ней строить совершенно невозможно. Поэтому можно зачастую столкнуться вот с такими заявлениями: *«Наука не располагает заслуживающими дове-*

рия сведениями древних источников ни о социальном статусе Олега, ни о его происхождении» (Н. Котляр).

На самом деле это не совсем так. А если быть точнее, то совсем не так. Наши знания об этом периоде русской истории действительно обрывочны и в какой-то мере случайны, но это совсем не значит, что вся история древних времён лишь выдумка людей с хорошо развитым воображением. Да и людям, живущим в те времена, так не казалось. Недостаток исторических свидетельств не означает, что они отсутствуют вообще и что нам будет не на что опереться, кроме фантазии и археологии. Их достаточно, жаль только, что они действительно в большинстве своём эпизодичны и почти постоянно противоречат друг другу. Поэтому довольно часто приходится стоять перед непростым выбором: чему можно верить, а чему не стоит. С другой стороны, именно это и придаёт нашему расследованию дополнительный интерес.

Жизнь Вещего Олега освещена в летописях довольно неплохо. Информация о его социальном статусе и происхождении тоже не секрет. Пусть даже *«рассказы Нестора построены в основном на памятниках устного народного творчества и рисуют фигуру скорее сказочную, чем реальную»* (Н. Котляр). Но в рассказах Нестора, как и других его собратьев по перу, мы сможем найти главное – информацию и сопоставить её с другими дошедшими до нас источниками, а также наукой, называемой археологией.

Действительно, сведения о первых правителях, дошедшие до нас, нередко рассматривались как произвольные вымыслы составителей летописных сводов, стремившихся заполнить пробелы начальной истории нашего государства. А это совсем не так. После тщательного изучения древнейшего периода истории Руси историки признали достоверность сведений, изложенных в летописях и о событиях, произошедших в древности, и о правителях Северной и Южной Руси. Поэтому не стоит изначально отвергать историческую достоверность каких-либо летописных сведений и квалифицировать их как заведомо «выдумку».

Нет никаких оснований сомневаться в реальности существования Вещего Олега, ибо она многократно засвидетельствована самыми различными источниками того времени. Основным источником сведений о первых правителях Руси, из которых мы черпаем информацию, на которые опираемся и ссылаемся, являются летописи. До нас их дошло немного.

В этой книге собран весь исторический материал, который только можно найти о светлом князе Вещем Олеге. Ничего другого уже не появится, а то, что может появиться, будет основано на тех же самых материалах, что использованы в этой работе, только взгляд будет иной. Новых открытий или других прорывов в смысле появления материалов, способных пролить свет на те или иные события, не предвидится. Так что исходим из того, что есть.

Самый ранний из летописных сводов, дошедших до нас, – Повесть временных лет – был составлен в 1110-х годах. Его материал основан на ряде фрагментов, взятых у греческих хронистов, текстах, составленных ранними летописцами, двух-трех мирных договоров, заключенных между греками и скандинавами. Можно с уверенностью сказать, что часть известий этого документа была заимствована из устных преданий, притом не только славянских. Древнейшие летописцы использовали не только не дошедшие до нас свитки, они смело задействовали в своих работах сокровищницу устного народного творчества, прошедшую через несколько поколений. Ведь в те времена славяне *«никакого письма не имели»*, а лишь бережно хранили устные предания. Профессор Петербургского университета А.А. Шахматов научно доказал, что киевское летописание лишь с 1061 г. вырабатывает привычный нам приём записи текущих событий, скрепляемый точными датами, который становится усвоенною манерою наших летописей. Именно поэтому к истории древнейших времён нужно относиться особенно аккуратно. Народная память не всегда бывает надёжным источником, на который можно смело опереться. Однако при всей своей нестабильности она хороша уже тем, что хранит быт и поступки в своих сказаниях и легендах. Мы можем добавить сюда же информацию, сохранившуюся в Варяжской

саге. Там тоже можно отыскать богатый материал о деятельности викингов на востоке в интересующий нас период. Но вернёмся к летописи.

Когда великий историк В.Н. Татищев обратился к летописным источникам по древнейшей истории Руси, на дворе стояла уже середина XVIII века. Разбираясь в первоисточниках, ему пришлось встретиться со многими противоречивыми версиями. Даты часто были проставлены произвольно с целью внести определённый порядок в недатированный материал древнейшей истории, откуда вытекают серьезные расхождения между датировками событий в разных летописях. Это и понятно. Располагая в своей работе весьма незначительным количеством датированных письменных источников, летописцы, опираясь главным образом на устную традицию, извлекали оттуда факты для связного повествования об истории IX и X веков. Порой этого не хватало. Иногда они не могли точно определить, к какой же дате лучше подходит то или иное событие, и ставили его, полагаясь лишь на свою интуицию. К тому же главным делом летописца было не просто описать историю народов и их деяния, их цель была в описании истоков происхождения русского княжеского дома, то есть *«откуда есть пошла Русская земля»*. Поэтому приходится с сожалением признать, что летописи XV–XVI веков нельзя считать достоверными источниками по истории древнейшей Руси. Любая летопись никогда не была безгрешна. Множество факторов влияют на её точность, беспристрастность, но... в сочетании с другими источниками информации она чаще всего помогает нам найти то, что мы ищем, и то, что бывает на первый взгляд скрыто от нас.

Летописи – это памятник своего времени. Они представляют ценность не только из-за достоверности тех фактов, о которых они повествуют. К тому же, понимая, что даты, изложенные в них, не всегда верны, у нас появляется возможность переставлять или передвигать их, если того потребуют логика и здравый смысл. Тем более что к старым, давно известным нам источникам добавились иные, более надежные и более современные.

Ещё раз отмечу, что летописные своды сохранили для нас немало информации о жизни первых русских князей вообще и Вещего Олега в частности. Пусть представления, изложенные в летописях о первых правителях Руси IX-X веков, во многом туманны и нередко противоречивы. Пробелы и неясности имеются, но, что самое интересное, все белые пятна в жизни киевского князя появляются там, где его нужно было привязать к Рюрику и его «сыну» Игорю. Ведь в изложении русской истории только Олег связывает эти две фигуры в одну семью. Без него этой связи нет, она рассыпается, и объяснить её внятно непросто, и в этих самых местах зияют дыры, которые добавляют в наших глазах вещему князю загадочности и сказочности. А по-иному их было и не закрыть. Это самый простой способ. Для чего всё это было сделано, я расскажу позже. Тоже не тайна за семью печатями. Всё же остальное, что не касается ни Рюрика, ни Игоря, зафиксировано в скрижалях истории довольно подробно. И проследить жизненный путь Вещего Олега совсем не так сложно, как кажется на первый взгляд. Загадки останутся, их будет немало, но сквозь шелуху придумок и баек вы сможете увидеть истинное лицо этого неординарного человека, вставшего во главе первого объединённого славянского государства.

Описание внешности князя Олега до нас не дошло. Как, собственно, и всех первых русских князей. Все гравюры, рисунки и портреты и даже скульптуры были сделаны много веков спустя. Делались они по наитию или в традициях современной моды. Опирайтесь на эти рисунки нельзя. Так что о том, как выглядел наш герой, остаётся только гадать. С уверенностью можно сказать лишь об одном: в облике Олега не было ничего, что бросалось бы в глаза. Он не был ни карликом, ни великаном, ни писаным красавцем, да и уродством наделён не был. Все его отличия были не во внешности. Можно было бы назвать его типичным варяжским конунгом, но в отличие от своих собратьев он предпочитал думать головой, а не полагаться лишь на крепость рук и остроту своего меча.

Происхождения, как вы поняли, Олег был варяжского. А если точнее, то, по всей видимости, он был норвежцем. Летопись так и величает его: Вещий Олег князь урманский, а урмане

есть русское название норвежцев, норманнов. Второе его значение было «северные люди», что, по большому счёту, является синонимом, ибо так изначально называли обитателей Скандинавии, особенно Норвегии, позже так стали величать всех морских разбойников. Летописи даже делают пояснения: урмане норвежцы (Лаврентьевская летопись) и нурмане «норвежцы» (I Софийская летопись). Кстати, такую же информацию дают и толковые словари. Казалось бы, вопрос исчерпан, но нет. Очевидное, оно всё равно очевидно не всем. Попытки объявить Вещего Олега славянином в последнее время появляются всё чаще. Основания для такой версии высосаны, по большому счёту, из пальца. Желание понятно и похвально – раз герой, то должен быть славянином, и обуславливается это мнение в первую очередь патриотизмом, гордостью за нацию, только вот с исторической правдой оно не имеет ничего общего.

Спорить о том, кем был по национальности Вещий Олег, совершенно не хочется. Зачем тратить время на споры о том, что и так бесспорно. А в данном вопросе все летописи и все историки, внимательно с ними работавшие, ни капли не сомневаясь, приписывали Олега к варягам. Он и ведёт себя всю свою жизнь исключительно по-варяжски, как привык, как воспитан. Это самое его поведение лишь подтверждает информацию, полученную из летописей. Но к этому вопросу мы всё равно ещё вернёмся. Так быстро от него уйти не удастся.

Точного момента прихода Олега на Русь, казалось бы, не зафиксировано. Но и это не так. Рукописи, даже те, которые написаны много позже, без малейшей тени сомнения говорят о том, кто был Олег и откуда он появился.

Известный историк О. Рапов собрал в один блок практически все летописные известия, что-либо упоминающие об отношениях новгородского князя Рюрика с Олегом. Воспользуемся удачной цитатой. *«Большинство летописей называет его родственником Рюрика, Воскресенская и некоторые другие летописи – племянником Рюрика, Иоакимовская – шурином Рюрика (то есть братом одной из Рюриковых жен), „князем урманским“, мудрым и храбрым, Новгородская первая летопись младшего извода – просто воеводой князя Игоря Рюриковича. В Повести временных лет под 879 годом сообщается, что Рюрик, умирая, передал свое княжество родичу Олегу, а также „отдал ему на руки сына Игоря, ибо тот был еще очень мал“»* (О. Рапов).

Добавить можно немного: у преподобного Нестора Олег Рюриков свойственник, а в раскольничьей летописи он вуй Игоря, то есть брат его матери. В «Прологе» под 11 мая вещий князь назван дядей Игоря, что точно обозначало в древности только брата отца.

Есть и другая формулировка. От обратного. Историк Н. Котляр проделал работу не менее кропотливую, чем О. Рапов, и всё для того, чтобы доказать свою теорию. Как мы видим, ничего особо нового ему найти не удалось. Напрасные нападки на Татищева мы опустим в силу голословности и необъективности.

Цитирую: *«Позднейшие летописцы по-своему пытались осмыслить факт захвата „золотого“ киевского стола претендентом не княжеского происхождения. Например, Иоакимовская летопись объявляет Олега варягом, „князем урманским“, т. е. норманнским, и шурином Рюрика, о чём повествуется в „Истории Российской“ В.Н.Татищева. В другой использованной этим историком летописи – Раскольничьей- Олег назван „вujem“, т. е. дядей (по матери), Игоря. К этому Татищев добавляет, что в некоторых известных ему летописях „вуй“ именуется уже братом Рюрика. Столь же неуклюжей попыткой объяснить нелогичное в глазах феодального общества вокняжение Олега в стольном граде Руси выглядит рассказ одного из летописцев XVII в., связывавшего его приход в Новгород с легендой Нестора о призвании варягов и объявившего Олега племянником Рюрика»* (Н. Котляр).

Вот и всё. Что мы видим в итоге? Пытаясь доказать свою правоту, Н. Котляр привел все те же самые факты, ничего нового не найдя. Как говорится, то же яйцо, только вид сбоку. Но для нас это не так важно. Главное в том, что ничего другого о происхождении Олега мы не найдём. Но и не нужно, этого нам вполне достаточно. На первый взгляд вся эта информация

кажется хаотичной и даже порой противоречащей друг другу, на что и намекает Н. Котляр. Но если только разложить её по полочкам, в правильном порядке, то окажется, что она не просто дополняет одна другую, не противореча ей, в большинстве случаев, но и даёт нам возможность проследить историю Олега ещё до того момента, когда летописцам и рассказчикам стал интересен он сам.

Источники возвещают нам о том, что правящий в этот момент новгородский князь Рюрик и Олег находились в родственных отношениях. Вот это мы возьмём за основу и на этом остановимся. Вся остальная информация нам, безусловно, понадобится, но чуть позже. А пока давайте выстроим её в понятном и удобоваримом для нас порядке.

Для этого начнём рассказ о жизни Вещего Олега задолго до прихода на Русь молодого урманского конунга. Без предыстории в этом случае мы не обойдёмся.

Глава 2. Славяне под Рюриком

С чего лучше всего начать наше повествование? Пожалуй, с события, которое коренным образом изменило историю Руси. Правда, тогда сами славяне об этом ещё не знали. Им и в голову не могло прийти, насколько судьбоносным окажется решение, принятое ими. Тогда всё казалось просто и даже банально. Северным славянам нужен был князь взамен недавно умершему Гостомыслу, и они нашли и призвали на правление его наследника, мало кому известного варяга Рюрика. Они и не подозревали, что *«призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю»* (С.М. Соловьёв). Именно этот момент был выбран для отсчёта русской государственности, несмотря на то что она была заложена ещё до прихода Рюрика на Русь, и заложена довольно крепко. Но вопрос о справедливости мы опустим, оставим этот факт как точку отсчёта, принятую большинством, и не более того. Соловьёв пытается обосновать своё мнение таким образом: *«Главное, начальное явление в основании государства – это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредоточению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие, соединенные впервые силы начинают действовать»*. Заковыристо сформулировано, но суть предельно ясна. Пришёл Рюрик и объединил разрозненные племена в государство. Дальше под эту свою теорию С.М. Соловьёв умело подводит вот такую мощную базу: *«IX век есть век образования государств, как для Восточной, так и для Западной Европы, век великих исторических определений, которые действуют во все продолжение новой европейской истории, действуют до сих пор»*. Что значит, что славяне в данный момент действуют в духе веяний времени и не остаются в стороне от процессов, происходящих в прогрессивной Европе.

На самом деле всё было несколько иначе. И то, что делали славяне, было лишь заботой о передаче власти законному наследнику, кем бы он ни был и где бы в данный момент ни находился. То есть все, что ими делалось, делалось для соблюдения законности, права преемственности и традиций. Ничего больше. Для них государство как таковое уже существовало, и у этого государства был сильный лидер, которого звали Гостомыслом. В этом месте мне придётся сделать небольшое, но традиционное отступление. Чтобы нам больше не спорить о том, было или не было у славян государство до прихода на их земли Рюрика и Вещего Олега, мы обратимся к умным и независимым книгам. Возьмём отсюда определение государства и тогда решим, что было у Гостомысла и киевского князя Аскольда и что изменилось с приходом викингов. Для разнообразия и пущей объективности мы возьмём не одно определение этого слова, а сразу несколько. Чтобы наверняка. Итак. *«Государство – самостоятельная организация, обладающая суверенитетом, специальными механизмами управления и принуждения, устанавливающая правовой порядок на определённой территории»*. Всё просто, доступно и понятно. Добавим бюрократическое объяснение. *«Государство есть особая, достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделённую от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определённой территорией и населением вне зависимости от согласия последнего; имеющая силы и средства для осуществления своих претензий»*.

А есть ещё такое: *«Государство – это особая организация политической власти общества, располагающая специальным аппаратом принуждения, выражающая волю и интересы господствующего класса или всего народа»*.

Ну и чтобы закончить, вставим наиболее художественное из определений, красиво сформулированное Николаем Бердяевым: *«Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»*.

Всё изложено доступно и понятно. Возможности какой-либо иной трактовки просто исключены. Делаем простой вывод из прочитанного: у славян, то есть Гостомысла и Аскольда, государство существовало до прихода и вокняжения Рюрика. Тут даже спорить нечего. А посему называть варяга основателем Русского государства неправильно, некрасиво и необъективно. Почвы для этого нет! Ничего он не создал, а пришел уже на всё готовое. Так что этот нимб с головы Рюрика можно смело снять.

Теперь, когда с определением государства мы разобрались, вернёмся к нашему повествованию, на то самое место, где мы и остановились, то есть к славянскому князю Гостомыслу.

Н.М. Карамзин ни за что не хотел верить в существование Гостомысла, подчёркивая, что *«предание о Гостомысле сомнительно»*, и в этом он сильно погорячился. Крупнейший исследователь летописания, А.А. Шахматов, основательно доказывал, что Гостомysl упоминается уже в древнейшем Новгородском своде 1050 года. О том, что Гостомysl – лицо не вымышленное, не придуманное, говорят и другие русские летописи. Для пущей наглядности приведу летописные тексты, которые Гостомысла упоминают. Львовская летопись: *«А инии шедъ з Дуная Словены седоша по озеру Илмерю, иже Наугородцы зовутца, зделаша бо град и старейшину Гостомысла поставиша»*. Новгородская IV летопись: *«Словене же, пришедшие съ Доуная, седоша около озера Ильмеря, и прозвашася своимъ именемъ, зделаша градъ и нарекоша и Новгородъ, и посадиша и старейшину Гостомысла»*. То же самое дословно в I Софийской летописи. *«В Степенной новгородской и Стрыковский, гл. 3, кн. 4, согласно сказывают: „Новгородцы избрали среди себя князя благоразумного, именем Гостомysl, и сей, долго в спокойности правя“»* (В.Н. Татищев). Думаю, довольно. Единственное, с чем летописи ошиблись, так это с Новгородом. Он на ту пору ещё не был построен. Новгород заложили и перенесли туда столицу уже при Рюрике. Или, как говорит В.Н. Татищев, *«видимо, что некто нерассудно после внес, тогда Новгорода не было, а если и был, то не престольный и не знатный тогда престол не в Новгороде, но в Ладоге был»* (В.Н. Татищев). Ладога становится при Гостомысле международным торговым городом. Как говаривал Пушкин Александр Сергеевич, *«Отсель грозить мы будем шведу»*. Вот Гостомysl и начал осуществление помыслов Петровых ещё тогда. Притом грозил он шведам в буквальном смысле слова. Он же первый из славянских князей, кто понял преимущества торговли с Западом и перехватил инициативу у варягов.

Как характеризуют князя летописи, был он муж великой храбрости и такой же мудрости. Татищев дает ему следующую оценку: *«Сего ради все близкие народы чтили его и дары и дани давали, покупая мир от него. Многие же князи от далеких стран приходили морем и землею послушать мудрости, и видеть суд его, и просить совета и учения его, так как тем прославился всюду»*. Для того чтобы выступать ещё и третейским судьёй в спорах, его слово должно иметь определённый вес. Одним словом, грозен и опасен был Гостомysl при всей своей мудрости и справедливости. Не случайно именно он, сын прежнего славянского владыки северных земель Буриvoja, изгнал варягов. После победы он *«заключил с варягами мир, и стала тишина по всей земле»*. Гостомysl жил войной, но он перенёс её на территорию своих врагов, даря своему народу мир и покой. Это говорит как об уверенности Гостомысла в своих силах, так и о силе и умении его бойцов. Его меч, не зная устали, всюду носил гибель, и враги избегали славянских границ.

Пока Гостомysl был жив, варягам, или викингам, был сюда путь заказан. Это вам не просто книжник-учёный, собирающий гербарий редких северных растений да философствующий на завалинке о смысле жизни вообще и праве народа на самоопределение в частности. Скорее это такой северный «крёстный отец», к которому соседи идут на поклон. А заодно и к

мудрости его приобщиться. Чтобы вразумил, надоумил, рассудил, кого надо защитил, а кому-то и погрозил.

Гостомысл был в такой силе, что соседи его боялись, но при этом уважали, поэтому и тишина стояла по всей земле. Было бы иначе, непременно приплыли бы на огонёк на своих страшных драккарах залётные варяги, коих в округе было немало, и разграбили всё благолепие. Да и самому мудрому Гостомыслу не поздоровилось бы. А интерес у варягов к этим землям был, и интерес немалый. Почему – вы поймёте чуть позже. Но то, что они уже пытались надеть хомут на шею ильменских славян, было отнюдь не случайно. Хотя славяне, проживающие в этой нерадушной даже для её хозяев местности, были народом отнюдь не кротким. От них самих ещё нужно было оборониться.

С.М. Соловьёв даёт такую характеристику воинственным славянским племенам: *«Они любили сражаться с врагами в местах узких, непроходимых, если нападали, то нападали набегом, внезапно, хитростью, любили сражаться в лесах, куда заманивали неприятеля бегством, и потом, возвратившись, наносили ему поражение».*

Те же самые викинги, от свирепости которых дрожали европейские народы, до нервного срыва опасались славянских племён, живущих в районе Старой Ладogi. Вот что пишет В.Н. Татищев: *«Так же шведские древности свидетельствуют, что россияне, по всему пространству около Меллера озера опустошая, добычу получали и при Штоксунде не были остановлены связанными железною цепью перекадинами, кои именно с этой целью Биргер ярл, губернатор королевский, в качестве замка на оном море укрепил, которым потом город Голмия прославился».*

Нужно отметить, что такую свою воинственную политику Гостомысл, как и его отец Буригой, вел не случайно. Не только из любви к драке.

Чтобы понять действия Гостомысла, надо вернуться в прошлое, без которого нам никак не понять будущее.

Итак. Задолго до рождения Гостомысла северные славяне прочно обосновались на далёкой, но бедной природой северо-западной окраине Руси, у болотистых берегов озера Ильмень. В отличие от других славянских племён, расселившихся в средней полосе, они даже не стали придумывать себе новое имя, а так и остались племенем славян, или славян ильменских. Ведь их соседями были всё сплошь инородцы. «Чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь», сюда же можно добавить неменьший список народов скандинавского происхождения. По тем временам это было довольно опасное соседство. От таких соседей бросало в дрожь всю Европу. Одного мужества, чтобы противостоять им, было недостаточно, нужно было ещё и умение. Но славян это не пугало, а возможно, что и устраивало. Чем объясняется такой странный на первый взгляд выбор? Ведь Новгородский край располагался далеко в стороне от главной арены развития исторических событий, представляя собой отдаленный северо-западный угол тогдашней Руси. В этом районе разбогатеть было не так просто.

Однако славяне выбрали именно это место для своего пристанища совсем не случайно. Их планы были довольно дальновидны. Они делали ставку на будущее. А перспектива была не шуточной. В Ильменском бассейне смыкались два важнейших торговых пути Средневековья, пересекавших Восточную Европу, – Балтийско-Волжский путь и путь «из варяг в греки». Так что эта область должна была стать вскоре стратегически выгодна. Деньги должны были плыть сюда сами, надо только было их с умом вложить во что нужно и с умом изъять у кого нужно. А торговля, как вы помните, двигатель прогресса. Но чтобы этот двигатель запустить, нужна была прочная основа. Вот так в этой неудобной области стало строиться довольно много жилых укрепленных пунктов.

Волжский торговый путь между Балтикой и Каспием был самым древним из трёх великих речных путей, соединявших Скандинавию с Халифатом. Вниз по Волге до Волжской Булгарии сплавливались такие северные товары, как меха, мёд и живой товар – рабы. В обратном направле-

нии везли пряности, шёлк и некоторые другие товары, которые можно было приобрести только здесь. Это направление постепенно набирало силу. К тому же прямая торговля между Востоком и странами Европы была практически невозможна из-за разбойных, жадных до лёгкой добычи кочевых племен, делавших движение товаров небезопасным. В этих условиях Северная Русь становится посредником между Западом и Востоком. В VIII–IX веках именно Волжский путь играл основную роль в международной торговле того времени. Вдоль этого пути, вплоть до самой Скандинавии, найдены многочисленные клады арабских серебряных монет (дирхемов), число которых неизменно растёт вплоть до конца X в., когда под влиянием разных обстоятельств экспорт арабской валюты быстро и резко сокращается. В довольно сложной системе денежного обращения на Руси дирхемы использовались и именовались шелягами.

Торговля со странами Востока была чрезвычайно выгодной для ильменских славян, а позже и для всей Руси. Во второй половине IX века Волжский торговый путь уже обеспечивал экономическое благосостояние трёх крупных государственных образований – Руси в верховьях, Волжской Булгарии в средней части и Хазарского каганата в низовьях Волги. В X веке значение Волжского торгового пути по-прежнему было высоко, правда развитие его приостановилось. Скорее всего, это произошло и в связи с тем, что Хазарский каганат не просто утратил к этому моменту свою силу и значимость, а он практически исчез с политической карты мира.

Однако Волжский путь имел не только торговое значение. Важным торговым маршрутом между Скандинавией, Северной Европой, богатой Византией, Востоком этот путь стал впоследствии. Изначально он использовался как военная тропа. В поисках добычи неутомимые русы частенько наведывались на восточные берега, манявшие их несметным богатством. Обогатившись за счёт своей доблести и меча, они возвращались домой той же самой дорогой. Теперь на этом пути их поджидали славянские грады, готовые за мзду оказать гостеприимство, дать приют, накормить, продать свой и приобрести диковинный товар, да и вообще брали таможенную пошлину за проход через их земли. Даже самые отчаянные викинги не смогли бы каждый раз прорубаться с боем домой, теряя добычу и бойцов. Смысл похода терялся. Ильменские славяне могли просто закупорить для них этот вход, как пробкой бутылку. В этом случае северные пираты теряли много больше, чем приобретали. А кроме войны, которая родила бы множество героев, о которых бы звонко пели у вечерних костров скальды, и пролитой крови, ничего бы никому не дала. Только нагромождение рунических камней. Легче было договориться или заплатить.

Второй, не менее значимый торговый путь назывался «из варяг в греки» – иначе именуемый Варяжский, что на древнескандинавском звучало как *Austrvegr*. Им шли варяги с побережье Балтийского моря на юг, через Восточную Европу в Византию и Малую Азию. Это продолжалось до середины XIII века. С начала X века русские купцы стали активно пользоваться этим путём для торговли как с Константинополем, так и со Скандинавией. Древнерусский летописец прекрасно описал этот торговый путь. *«Был путь из варяг в греки, из грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмен, озеро великое; из этого же озера вытекает р. Волхов и впадает в озеро великое Нево, а устье этого озера впадает в море Варяжское. И по тому пути можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река».*

Главное, что из моря Варяжского до Царьграда мимо Ильменя и Волхова было не пройти. А место это славяне уже прочно освоили и обустроили. Торговлю они пока в свои руки взять ещё не пытались, но плату за проход, видимо, взимали исправно. И в этом случае первопроходцами были викинги. Археологические данные показывают, что шведы вошли уже в это время в соприкосновение с Востоком через торговый путь по Волге. Поэтому случилось так, что именно варяги вольно или невольно сыграли значительную роль в развитии древнерусской

торговли, а также в освоении и расширении торговых путей. Ведь викинги – это не только война, набеги, мечи и кровь, у них были и свои торговые центры. Не торговые молы и торговые центры с множеством магазинов и бутиков в сиянии неоновой рекламы, что в первую очередь приходит на ум, а поселения, можно сказать, древние города, куда стекались все импортные товары. Куда съезжались солидные торговые гости со всей Скандинавии, где можно было найти любой, даже самый экзотический товар на ваш вкус. Сигтуне, Бирке или Висбю служили конечным пунктом торгового пути, связывавшего Скандинавию с Арабским халифатом. Арабские купцы сами так далеко не заходили, в IX веке они не забирались даже в северные пределы славян. Хазары, державшие в то время торговые дороги под своим контролем, помимо чисто административных мер прибегали к простому запугиванию рассказами о диких северных людях, якобы убивавших всех чужеземцев. Это не способствовало желанию арабских купцов двигаться дальше. Но викингам на данный момент и самим это было выгодно. Страшные байки хазар играли им на руку.

Крупнейшим торговым центром шведских викингов был долгое время Бирке. Приблизительно с 800 по 975 год его значимость была неоспорима. Именно сюда шли предметы, награбленные викингами в Западной Европе и Византии. Здесь, в углу Европы, в Бирке можно было найти всё: тонкие французские вина, шёлковые и батистовые ткани, пряности, ювелирные и стеклянные изделия, драгоценности, серебряную утварь, даже иконы и книги. Сюда же из Южной Руси, то есть из Киева, славянские купцы везли на продажу хлеб, различные ремесленные и художественные изделия, серебро в монетах и многое другое. Важнейший торговый центр датских викингов Хедебю расположился в глубине фьорда Шлей, на пересечении торговых путей из бассейна Балтийского в бассейн Северного моря. Согласно франкским анналам, датский конунг Гудфред в 808 году разрушил центр ободритов город Рерик в славянской земле, который был его конкурентом, а население – ремесленников и купцов – переселил к себе в порт Хедебю (Слисторп). И такое случалось. Адам Бремениский так и называл ободритов «ререгами». С Гостомыслом и его «хозяйством» такого не произошло. Даже наоборот, Старая Ладога развивалась и крепла.

Немного позже, когда Северная Русь обзавелась новой столицей – Новгородом, а та, в свою очередь, заметно подросла, русские купцы и вовсе перехватили инициативу у свирепых скандинавов. Славяне были отважны, к тому же быстро учились и перенимали новое. Теперь они сами активно везли отсюда, из Новгорода, на торговые рынки Бирке востребованный товар: «мягкое золото» (меха соболей, куниц, выдр, бобров), льняные ткани, лес, мёд, воск, кованую и керамическую утварь, оружие, кожи, смолу. Быстро развивающийся торговый город набирал силу и вскоре сам стал основным торговым узлом Севера. Теперь все отчёты шли от него. С этого момента благосостояние Новгорода стало опираться единственно на торговлю. В середине X века византийским императором Константином Багрянородным в его трактате «Об управлении империей» был описан путь от Новгорода в Днепр.

Однако нельзя сказать, что скандинавы легко отдали этот проторенный таким трудом путь. Нет, они сами имели в нём большой интерес. Видя, что славяне занимают для своих поселений ключевые точки на этой «дороге жизни», они сделали ответный ход со своей стороны. В конце VIII–IX веке началась целая эпоха, названная позже «эпохой викингов». Вследствие переизбытка населения в бедных скандинавских странах в них начался обильный исход людей, вынужденных искать себе применение в эмиграции. Дальше всё зависело от индивидуального выбора – Запад или Восток. Викинги, как и многие, искали не только славы и добычи, но и лучшей жизни.

В конце IX и в X столетии район Ладоги подвергся активной колонизации со стороны шведских поселенцев. Они прибывали сюда с жёнами и детьми в надежде остаться надолго, первые шагнули навстречу славянам и сблизились с ними. Случилось это не только потому, что большое количество шведских викингов, стеснённых в своих землях, отправилось на поиски

новых земель. Их действительно вытеснили с родины, но сюда они пришли совсем не по воле случая. Нет, они совершенно точно знали, зачем и куда им нужно идти. Первые шведские поселенцы прибыли на территорию Старой Ладogi в середине IX века. Это подтверждено раскопками. Уровни IX и X веков содержат много предметов шведского происхождения. Но шведы были там не первыми поселенцами, когда решили здесь обосноваться, там уже существовали какие-то поселения, возможно финские, существовавшие там задолго до прихода шведов. Эмиграция имела на востоке свою специфику. Викинги, или, как их здесь называли, русь, сталкивались с местным населением, находившимся приблизительно на том же уровне развития, что и они сами, поэтому чаще всего руководители норманнских отрядов находили компромисс в том, что заключали союзы с местной знатью, выгодные обеим сторонам. Чтобы обжиться, пришельцы поддерживали хорошие отношения с местным населением. Однако впоследствии они сами были постепенно ассимилированы местными финскими народами и доминирующими в этом районе славянами.

Сохраняя свою самобытность, шведам на протяжении долгого времени удавалось сберечь свои характерные обычаи, одежду и оружие. Возможно, что с этого самого момента слово «Русь» использовали как обозначение шведов, проживавших именно на Руси, но не в самой Швеции. Главное, что благодаря таким колониям или поселениям шведские викинги получили возможность безбоязненно расселяться в X веке по всей юго-восточной территории Ладожского озера от района Старой Ладogi. Причины столь широкой шведской колонизации в этом районе ясны как божий день: шведы, или назовём их уже русью, хотели контролировать торговые пути. Набравшись сил или просто видя слабость славян, после поражения Буривого викинги даже покорили славян, обложив их данью. И всё это было сделано лишь для того, чтобы богатство не протекало мимо них и чтобы никто не стоял на их пути тогда, когда им вздумается совершать свои сокрушительные набеги на Восток. Ещё раз напомним, что изначально оба этих пути использовались варягами для грабительских набегов на более развитые и богатые города и страны. Путь туда из Скандинавии проходил Балтийским морем через Финский залив, затем по реке Неве, через Ладожское озеро, отсюда по реке Волхов в озеро Ильмень. По-другому в эти богатые страны было не пробраться. Вот что для нас важно. Норманны знали, что контроль над водой обеспечит им контроль над прилегающей территорией. Для викингов водная артерия была проводником военной и коммерческой мощи. Свою первичную коммерческую функцию реки выполняли очень хорошо, но, как и любую, приносящую доход, стратегически важную торговую дорогу, её нужно было укреплять, оборонять и отстраивать инфраструктуру. Вода и ветер могли нести и воинов, и купцов намного дальше и быстрее, чем они могли продвигаться за счёт собственных физических возможностей. Да и к тому же безопасней. Торговый путь сам по себе был прямым источником заработка.

Теперь понятно, почему ильменские славяне стали строить своё государство именно здесь. Большое значение Старой Ладogi заключалось в ее географическом положении. Это не только понятно, но и правильно. Экономика уже тогда определяла сознание. Где же ещё основывать очаги культуры и цивилизации, как не здесь? Поэтому укрепленные поселения располагались на наиболее сложных участках водных магистралей, по реке Волхов и в низовьях рек, впадающих в озеро Ильмень. Этот отрезок пути был непростым. На реках Неве и Волхове нужно было преодолеть пороги, затруднявшие движение, а Ладожское озеро часто штормило, что делало его негостеприимным.

Город-крепость Ладога – древнесеверное название: Альдейгъюборг, построенный в устье Волхова, вблизи озера Нево (Ладожского), стал первой славянской столицей в этом регионе. Позже город стали называть Старой Ладогой. Именно здесь, а не в Новгороде, которого на ту пору ещё не существовало вовсе, и правил суровый и мудрый Гостомысл. Расположение города в этом месте было отнюдь не случайным. Ладога лежала на Великом скандинавском пути на Восток, разделяя его на два маршрута, по Волге и по Днепру. Это была единственная возмож-

ная гавань, где могли остановиться морские суда, не способные плавать по порогам Волхова. То есть практически все плывущие из Скандинавии. Он изначально задумывался, а потом и стал узловым пунктом торговли. Пока он ещё не являлся важным торговым городом, а больше походил на обычный транзитный пункт, который купцы использовали для отдыха в своем трудном путешествии. В отличие от скандинавских торговых центров он не был расположен на открытом пространстве, не защищенном при внезапной атаке. Он был построен в 8 милях вверх по реке Волхову в устье Ладоги, и земляной вал обнимал территорию города, занимавшего немногим меньше четверти квадратной мили. Город находился на высоком берегу реки у оврага, который давал дополнительную защиту. Напасть на него внезапно и захватить было затруднительно. Старая Ладога стала настоящим укрепленным городом. При этом его территория продолжала заселяться.

Именно с этого момента можно начинать отсчёт образования славянского государства, именуемого красиво Гардарикой. Название это взялось неспроста.

В IX веке скандинавы, продвигаясь из Ладоги по Волхову в глубь славянской территории, встречали на своем пути цепочку укрепленных поселений, называемых местными жителями городами. Это были своеобразные опорные, транзитные, а то и контрольно-пропускные пункты, словно таможенные посты на водных дорогах. Они же служили убежищем для населения близлежащей округи. Каждый из них был по возможности укреплен и обнесён оградой, чем, возможно, напоминал маленький город. В силу географических особенностей больших городов у славян, управляемых Гостомыслом, на самом деле было немного. Практически не было. Но из-за тех суровых условий, в которых жили наши предки, они вынуждены были строить довольно много укрепленных городков-крепостей. К тому же такое укрепление помогало избежать внезапных нападений, что в этой местности было не редкостью. Поэтому на первом этапе знакомства с Русью скандинавы стали называть страну так, как они её видели – древнескандинавским, или, точнее, древнеисландским, именем *Garðar* («Грады», или «Укрепления»). По мнению большинства историков, это самое удачное отождествление слова *garðr*. В том случае, если под городом понимается отделенный от сельской местности укрепленный населенный пункт, который мог бы считаться центром ремесла и торговли. О том, что означает это название, идут определённые споры. В русской историографии перевод «Страна городов» стал уже традиционным. Последнее время в обиход всё больше входит иной перевод этого названия – «страна укреплений». Для нас на самом деле это не настолько принципиально. Главное, для викингов их было много и непривычно, за что они и прозвали Северную Русь, которую хорошо изучили, Гардарикой. Именно поэтому она и обозначалась в форме множественного числа этого существительного.

Не все укрепленные поселения даже позже превратились в города. Точнее говоря, большинство из них так и осталось поселениями. Археологические материалы говорят о том, что даже в конце X – начале XI века в Новгородской земле было всего три города: Ладога, Псков и Новгород. Но кроме них в Новгородской земле стояло больше двадцати укрепленных поселений, относящихся к эпохе сложения Древнерусского государства. Именно они стали центрами организованной жизни и хозяйственной деятельности. Они заложили основу процветания региона. Прежде чем брезгливо морщить нос, учтите, что по всей Руси к этому моменту также насчитывалось не больше двадцати городов. Что на тот момент было совсем не мало.

Слово *Garðar* прочно вошло в обиход и использовалось для обозначения Руси на всем Скандинавском полуострове. Оно действительно имело несколько значений: 1) ограда, забор, укрепление; 2) двор, огороженное пространство; 3) двор, владение (княжеский двор), небольшое владение, земельный участок, хутор (в Исландии), дом (в Норвегии). По большому счёту, все они являются синонимами. Если немного поиграть словами, то Русь для викингов – Страна заборов.

В скальдических стихах IX–XII веков Русь представлена не только древнескандинавским наименованием *Garðar*, имевшим широкое распространение в древнескандинавском языке и считавшимся вполне обыденным и привычным, но и обозначением Ладоги. Что говорит о её значении уже в те самые времена. Скальды, бывавшие на Руси со своими конунгами даже много позже – в XI веке, по-прежнему использовали в своих сагах традиционное обозначения Руси – *Garðar*. В XIII веке на его основе возник топоним *Garðaríki*, корень которого *garð* – вошел составной частью в названия многих городов: *Hólmgarðr* «Новгород», *Kænugarðr* «Киев», *Miklagarðr* «Константинополь». Видимо, сильное ограждение всех этих городов дало повод именно к этому простому и понятному любому викингу названию.

Скальдические стихи зафиксировали названия самого раннего периода пребывания скандинавов на славянских землях, когда путь по Волхову ими еще только осваивался. Это является подтверждением того, что наименование Руси *Гардарика* сложилось у скандинавов ещё в VIII веке, когда сюда спускались варяжские дружины, воевавшие со славянами и впоследствии даже наложившие на них дань. Это подтверждает и археология. Первые археологические следы пребывания скандинавов на Руси, зафиксированные в районе Старой Ладоги, датируются 760-ми годами. Это неудивительно. Контакты и конфликты зародились уже тогда. Приблизительно к этому же периоду относятся строки, которые мы можем найти у В.Н. Татищева: *«Буривой, имея тяжкую войну с варягами, неоднократно побеждал их и стал обладать всею Бярмиею до Кумени. Наконец при оной реке побежден был, всех своих воинов погубил, едва сам спасся, пошел во град Бярмы, что на острове стоял, крепко устроенный, где князи подвластные пребывали, и, там пребывая, умер. Варяги же, тотчас пришедшие, град Великий и прочие захватили и дань тяжелую возложили на славян, русь и чудь»*.

Разброс во времени не должен быть велик. После поражения Буривой варяги пытались подчинить их себе и тем самым наложить лапу на торговые пути.

Единственное, на что хотелось бы обратить внимание, что река Кумень, где являл свою храбрость Буривой, – крупнейшая река Южной Финляндии. Она вытекает из озера Коннивески, что находится в центральном районе страны. Длина реки составляет 204 километра. Это, как вы понимаете, совсем не ближняя волость. Особенно по тем временам. Буривой достаточно далеко забрался.

Но вернёмся к географии. Мы уже поняли, что для развития сельского хозяйства и земледелия выбранное славянами место жительства не подходило. Условия были крайне трудны. Новгородская земля всегда была до крайности бедна и скудна на урожаи. Именно поэтому новгородцы во все времена зависели от привезённого с того же ополья хлеба. Рассчитывать на расцвет сельского хозяйства не приходилось. Оставалось лишь два пути развития: война и торговля. Иначе было не выжить. Первым шагом была война. А жизнь в беспрестанных столкновениях с чуждыми народами, то есть постоянные военные действия, накладывали свой отпечаток на и без того небогатый славянский быт. Жизнь в постоянном ожидании вражеских нападений продолжалась для восточных славян даже тогда, когда они уже находились под властью князей дома Рюрика. Но был в этой череде конфликтов и светлый момент. Это время правления Гостомысла, когда земли восточных славян любой враг обходил стороной. Именно поэтому отец Гостомысла Буривой и переносил свои войны на чужую территорию, чтобы его соотечественники жили спокойно. Чтобы поживиться за счёт соседей и закрепить за собой право на контроль торговых путей. Правда, он не рассчитал своих сил и сделал только хуже. Сын пошёл дальше и сделал всё лучше. Мир как таковой не наступил, но война шла за пределами славянских территорий. Летопись говорит о том, что все сыновья Гостомысла погибли в войнах, и это в то самое время, когда на землях, занятых славянами, царил мир. Где они сложили свои головы? О том нам неизвестно. Но, напрягая своими действиями соседей, они поддерживали авторитет и силу отца, давая соплеменникам наслаждаться счастьем мира.

Однако даже мудрое правление Гостомысла особого богатства славянам ещё не принесло. Результаты археологических исследований говорят о крайней бедности материальной культуры ранних славян. *«С одной стороны, мы видим эффектные и яркие черняховскую и пшеворскую культуры с богатейшим ассортиментом разнообразнейших форм посуды: серой гончарной в черняховской, чернолощеной лепной в пшеворской (миски, кувшины, вазы, причем миски составляют значительный процент). С другой – славянские культуры с их исключительно лепной грубой керамикой, представленной лишь высокими слабопрофилированными горшками да иногда сковородками. Мисок, ваз и кувшинов практически нет вовсе»*. Это неудивительно. В таких условиях сложно разбогатеть. Иностранцы говорят, что славяне жили в дрянных избах, находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Привычка довольствоваться малым и всегда быть готовыми покинуть жилище в случае необходимости поддерживала в славянинах отвращение к чуждому игу, о чем заметил Маврикий. Всё это было следствием постоянной опасности, грозившей славянам как от своих родовых усобиц, так и от нашествий чуждых народов. Это всё сказано не в уничижение славян, а как простая констатация факта. Хотя что касается самой Ладоги, то археология даёт нам иные известия. Дома там строились один к одному, и когда один дом разрушался, другой возводился в сжатые сроки над ним. Тип строения, который использовали жители Старой Ладоги, сначала представлял собою большой дом с двумя комнатами, в то время как для более поздних слоев характерно строительство небольших квадратных однокомнатных помещений с печью в углу, подобных более поздним русским крестьянским избам. Обычно сруб возводили непосредственно на месте будущего дома, но бывали случаи, когда его сперва собирали на стороне, например в лесу, а затем, разобрав, перевозили на место строительства и складывали уже «начисто». Чтобы брёвна плотней прилегали друг к другу, в одном из них делали продольное углубление, куда и входил выпуклый бок другого. В отличие от строителей современности древние северные умельцы делали углубление в нижнем бревне, но при этом тщательно следили, чтобы брёвна оказывались кверху той стороной, которая у живого дерева смотрела на север. А пазы между брёвнами конопатили болотным мхом, имеющим свойство убивать бактерии, и чаще всего промазывали глиной. Никаких архитектурных изысков в этих жилищах не было, но это были добротные и удобные для жизни дома. Так что Ладога развивалась бурными темпами.

Гостомысл, как вы поняли, правил степенно. С кем мог – воевал и подчинял своей воле. С кем справиться было сложно или нужны были крепкие узы дружбы и прочный мир – ронился. Гостомысл был многодетен и в семейной жизни счастлив, имел четырёх сыновей и три дочери. Так что стратегический запас для создания новых дружеских связей, скрепляемых посредством родства, он имел. И тут уж он не скупился, не придерживал про запас, а расходовал изрядно, правда, с умом. Все его дочери были пристроены. Дочерей своих, следуя мудрой политике, он выдал за соседних князей, видимо, таким образом скрепляя необходимые политические союзы и ища себе нужных друзей и соратников. *«Дочери Гостомысла за кого были отданы, точно не показано, но ниже видим, что старшая была за изборским, от которой Ольга княгиня; другая – мать Рюрикова, а о третьей неизвестно»* (В.Н. Татищев).

Вот с сыновьями неясности куда больше. В честь старшего сына своего Выбора, которого, видимо, и надеялся оставить после себя, он *«град при море построил»*. Про остальных нам уже ничего не известно. Летопись гласит лишь о том, что *«сыновья его или на войнах убиты, или в дому умерли, и не осталось ни единого его сына»*. В первое верится больше, во второе не верится вовсе. Судя по описанию и авторитету славянского князя, ни он, ни его сыновья не сидели без дела. Мы уже успели заметить, что его правление было мирно только для его соотечественников. Остальных бросало в озноб. Гостомысл и его сыновья вели свои войны, как и его отец Буригой, за пределами славянских земель, расширяя границы своего маленького государства. А в славянских землях действительно царил мир. Не осмеливались вороги на них покушаться, своё бы уберечь. Однако сыновья пали в борьбе роковой, не оставив после себя

сыновей, а значит, не оставив Гостомыслу прямого наследника по мужской линии. Нужно было что-то придумывать. Сам он уже детей иметь в силу возраста не мог, а значит, трон должен был занять кто-то из наследников по женской линии. Он ведь и им приходился родным дедушкой.

Вернёмся к дочерям и их замужеству. Что рассказывает нам Татищев, мы помним. Только здесь у Татищева ошибка вышла. Ошибается он из-за того, что слишком полагается на летописца, который по каким-то причинам сам плохо разобрался в случившемся и точно так же изложил, а Татищев, промаху его доверившись, размышлять в данном случае не стал. Несуразицу от написанного им он узрел, но предпочёл объяснять её иными, не совсем логичными методами. Хотя в те легендарные времена и такие легенды могли сойти и выглядели вполне правдоподобно, устраивая всех. А из-за его ошибки многое из того, что произошло тогда на берегах Волхова, становится путанным и непонятным. В чём же состоит эта ошибка?

На первый взгляд оплошность и невелика, **но именно в ней разгадка произошедших позже событий и трагедий.** От этой мелкой оплошности пошли сквозь ряд столетий все несуразицы в описании русской истории. Теории норманизма и антинорманизма, теория «призвания варягов» – всё явилось следствием этой несуразицы. И бьются, и ругаются историки и исследователи, не щадя себя, растрчивая последние нервы и теряя последние волосы в споре, где не может быть правильного ответа, и только потому, что нельзя на изначально неверно поставленный вопрос найти правильный ответ. Тем более что истина лежит на поверхности. Правда, никому не нужная. Бесхозная. Никто на неё внимание обратить не хочет. А ведь всё так просто. Суть в том, что *мать Рюрика* была старше, чем её сестра, отданная за избороцкого князя, и соответственно её сын, названный в летописях Вадимом Храбрым, ставший князем избороцким, был моложе Рюрика. Поэтому по праву старшинства он эту власть и не получил. Лучшим доказательством этой теории послужат логика и здравый смысл. Казалось бы, при чём здесь он? Но сейчас вы сами в этом убедитесь.

Передача Гостомыслом власти своему преемнику, как это ни странно, стала ключевым моментом в древнейшей русской истории. А сама эта история началась с вещей, можно сказать, мистических. Как вы помните, Гостомysl передал власть сыну своей любимой дочери и всё потому, что ему приснился вещий сон, в котором он, как наяву, увидел, что именно от неё пойдёт великий род, который будет иметь власть чуть ли не над половиной мира. «О чём тут думать!» – воскликнул Гостомysl, едва протерев глаза, тем более что и дочь любимая, и тут же решил возвести на свой трон внука Рюрика. А дочь, которую звали Умила, была в семье отнюдь не старшей. Вот такая вот чудесная вышла история. Так, вопреки всему Гостомysl выбрал своим преемником Рюрика и, как считают позднейшие историки, не прогадал. Возможно, вы скажете, что так считают и летописцы, и, соответственно, летописи вместе с ними, а также и многие другие учёные-книжники, но тут всё обстоит не так просто. С отношением к Рюрику в летописях мы столкнёмся совсем скоро, и вы удивитесь тому, что они о нём говорят. Но сейчас мы вернёмся к Гостомыслу, стоящему перед сложным выбором передачи власти. Если поверить в историю со сном, то никакой сложности не было вовсе. Проснулся и сразу потребовал: «А ну-ка, доставить мне сейчас же внука Рюрика во дворец! Да живей, государственное дело!» И понеслись гонцы исполнять княжье поручение. Ведь если внук Вадим был рядом, то Рюрик жил в краю неблизком. До него три дня скачи – не доскачешь.

Только не всё так просто. И никакого скоропалительного решения Гостомysl, едва очнувшись ото сна, не принимал, скорее, наоборот, до последнего тянул с принятием решения. «Почему? С чего вы взяли? – спросите вы. – В чём подвох?»

Судите сами. *«Славяне, как пришельцы и обладатели сих народов, имели древний обычай князей не по выбору, но по наследию возводить, потому и Гостомysl оный был наследственный, как Иоаким епископ сие утверждает, что он после отца наследовал»* – так говорит летопись. Переведу для тех, кто не понял. Князей не выбирали. Княжеская власть передавалась по наследству, то есть по праву старшинства. Династия! И не должна она прерываться. И это

не просто традиция, которую можно было так просто взять и нарушить, это было правило, по которому и жил род. Разрешая часто и, судя по всему, умело самые сложные вопросы, славянский князь вряд ли сам стал бы нарушать привычные для всех устои в своём же собственном племени. Он уже много пожил и много чего повидал и без всякого труда мог себе представить, чем обернётся в будущем такой его странный поступок. Тем более что особо и представлять не требовалось, тут даже ум напрягать не было необходимости. Если всерьёз рассматривать вариант, при котором Вадим был старше Рюрика, то получается, что, назначая вождём своего клана прибывшего из-за моря варяга, которого он даже ни разу не видел, Гостомysl лично закладывал пороховую бочку и поджигал фитиль раздора и междоусобицы. Поощряя и провоцируя в недалёком будущем жестокую борьбу за власть между внуками. При этом он устранял от законной верховной власти своего внука Вадима, который, как и сам Гостомysl, был славянином и жил рядом с ним. В чём тут смысл? Возможно, вы видите то, чего не вижу я? Напомню, своего «любимого» внука Рюрика он ни разу в глаза не видел и понятие о нём имел самое смутное. Единственным на тот момент и самым большим его плюсом было то, что «он являлся сыном его любимой дочери». Аргумент для передачи власти в обход всяческих традиций не самый веский. Если Вадим был старше, он по закону должен был получать всё, и с такой внезапной потерей он никогда бы не смог смириться. Дед это знал и понимал, не мог не понимать. И всё одно выбрал младшего Рюрика, не имевшего прав старшинства? Странный выбор. Странное постановление. Притом слово «странный» напрашивается в этом случае практически постоянно, иного определения и не подберёшь. Оно чаще всего приходит на ум, вертится на языке, когда дело касается в летописи такого тонкого политического момента, как передача власти. Это я к тому, что эти странности не последние, есть ещё. Что заставляет задуматься. Или говоря по-иному – такого не бывает. Любой старик, любой пенсионер, любой взрослый опытный человек, подойдя к определённой жизненной черте, начинает всерьёз задумываться, что и кому он после себя оставит. А у Гостомysла было чего оставлять, на его плечах лежала забота обо всём государстве. И он это понимал, не мог не понимать. Будущее его народа зависело от того, в чьи руки мудрый Гостомysl передаст свою власть. Только от него зависело сейчас, кто будет следующим правителем, и прогадать он не мог. Слишком много стояло на кону.

Надо признать, что Гостомysl попал в довольно щекотливое положение. Старость давала о себе знать, а выбор наследника оставался открытым. Гостомysl даже и подозревать не мог, что выбор окажется столь непросто. Предугадать, что все его четыре сына погибнут раньше его, он просто не мог. Да и кто может себе такое представить? Оставались внуки. Умилу, старшую из дочерей, он удачно выдал за Годелайба, сына короля Витислава, который был довольно сильным князем и прочно держал в руках большую территорию Финляндии. То есть соседнюю землю. Понятно, что Гостомysлу был интересен не Годелайб, который проживал у чёрта на куличках, а сильный Витислав, с которым он таким образом роднился. Это был первый вклад во внешнюю политику, сделанный Гостомysлом. Но тогда это выглядело отличным и вполне оправданным решением. Ибо сильный союзник был необходим. Только иметь союзником викинга – это одно, а пускать его на свой трон, управлять своим народом – это несколько иное. Но жизнь сделала невообразимый зигзаг, и теперь именно Рюрик становился законным наследником. Вряд ли эта мысль радовала Гостомysла. Он не раз сражался против варягов, избавил от их господства славян, а теперь был вынужден привести сам викинга в свой дом и посадить на трон. Действительно, у судьбы бывают крутые повороты.

Давайте посмотрим, что было бы или что должно было быть, если бы Гостомysl остановил свой выбор именно на Рюрике. Как вы помните, Гостомysl скончался не внезапно и не скоропостижно, что было хорошо для его народа. Время у него было. Что он должен был сделать? Призывать юного варяга загодя и приучать к власти, передавая опыт. Вот что. Язык, в конце концов, учить! Как викинг без знания языка будет с подданными общаться? На каком языке родному народу приказы отдавать? Однако Гостомysl почему-то не спешил, а жизнь в те

времена была такова, особенно на Севере, что войны практически всю свою жизнь не выпускали меча из рук. Но Гостомысл не торопится. Не мчатся славянские гонцы за его внуком, горяча и нахлестывая коней. Почему не торопится Гостомысл? Куда же тогда девалась вся его хваленая мудрость? А она никуда не исчезла. Старый князь делал все, как и было положено, только по какой-то неведомой нам причине летописец искажил его действия, чем и внёс смуту в умы последующих поколений. Возможно, Гостомысл и сам был бы рад передать свою власть внуку-славянину (который был младше Рюрика), но закон и традиции диктовали иное.

Законность и традиции – вот что в первую очередь заботило Гостомысла всю его бурную жизнь, а сны и сновидения не были из числа аргументов, влияющих на его поступки. Тем более что такая легенда о вещем сне не одна на свете, она, безусловно, нужна, чтобы подчеркнуть Божественное провидение и Божью волю, не более того. Таких легенд мы встретим немало, отличий практически нет, хотя говорят они о разных народах. Например. *«Еще до появления внука на свет царь Мидии Астиаг увидел как-то странный сон. Якобы из живота его дочери стала расти виноградная лоза. Она опутала всю территорию Мидии, затем перекинулась на Азию и покрыла всю ее. Астиаг обратился к жрецам-толкователям. Те объяснили ему, что его дочь родит мальчика, который еще при жизни Астиага захватит Мидию, а потом всю Азию»*. Ничего не напоминает? Только случилось это на несколько веков раньше. Похожий сюжет имеется в бретонских сказках, связанных с чародеем и предсказателем Мерлином: отец Вильгельма Завоевателя останавливается на ночлег на постоялом дворе и просит у хозяина одну из его дочерей на ночь. *«Горожанин не дал герцогу собственную дочь, а предложил гостю провести ночь с другой девушкой, бретонкой, которая... жила в его доме вместе со своими родителями. И вот посередине ночи, когда герцог глубоко спал, девушка громко вскрикнула во сне и разбудила его. Герцог спросил, что так напугало девушку, и та ответила, что увидела во сне, будто огромное дерево выросло из ее чрева и накрыло своей кроной всю Англию»*. Теперь рассказ о Гостомысле, который содержится в Иоакимовской летописи: *«Единою спящу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дочери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: „От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его“»*. Летописец не мог сам объяснить такое удивительное решение славянского князя, но человек он был, видимо, грамотный и начитанный и, найдя удачное заимствование, сразу вставил его к месту. Поэтому и прижилось. Мне же первое, что приходит на ум после прочтения этого рассказа, так это строчка В.С. Высоцкого: *«И всё снились мне венгерки, с бородами и с ружьём»*. А все разговоры о том, что Гостомысл больше всех других детей любил свою дочку Умилу, – это уже позднейшие сказки. К тому же рассказ о пророческом сне Гостомысла отсутствует в других древнерусских источниках, там даже нет намёка на него. Так что создатель Иоакимовской летописи просто подчеркнул широту своего кругозора и мастерство рассказчика, умело вплета эту известную историю в историю русскую.

Если бы Вадим был действительно старше Рюрика, то Гостомысл, не задумываясь, передал бы всю полноту власти ему. Поэтому он не торопился разыскивать и звать к себе молодого варяга, для того чтобы передать ему свою мудрость и умение управления славянской землёй, наоборот, он как нарочно отдалял этот момент. А ведь научить своего преемника всему, что знает и умеет, было его первостепенной задачей. Даже обязанностью. К тому же учитывая, что этот самый преемник мог и не разумеет славянского языка. Такая опасность существовала. Так что, скорее всего, действия мудрого Гостомысла говорят о том, что внука он увидеть не спешил. *«И пришел после смерти Гостомысла Рюрик с двумя братья и их сородичами»* – вот что доносят до нас и Нестор, и В.Н. Татищев. Объяснить такое поведение славянского князя очень просто: он не сильно надеялся на варягов, от ярма которых избавил свой народ. Поэтому Рюрик появился в славянских землях уже после смерти Гостомысла, и увидеть родного и такого знаменитого дедушку ему не довелось. Кстати, к моменту прибытия Рюрика на Русь Вадим уже

находился в столице, Старой Ладоге. Вот он своего дедушку, вполне возможно, застал живым. Не исключена возможность, что ещё до своей смерти Гостомысл вызвал славянского внука к себе в Ладогу, чтобы обучить ремеслу правителя. Так, кстати, делали все и всегда, и Святослав, и Владимир Святой. Странно было бы, если Гостомысл действовал иначе. Повторюсь, Рюрик хоть и старший среди внуков, но варяг, и если Гостомысл действительно хотел передать ему власть, то почему не озаботился вызвать его заранее? Всё показать, всему обучить. Видимо, он надеялся на иного преемника, и этот преемник уже приехал в Ладогу. Так что всё говорит о том, что Гостомысл остановил свой выбор не на Рюрике, а как раз наоборот. За Рюрика были традиции и законность, и через них князь переступить не смог.

Кстати, поддержку теории о том, что мать Рюрика была старше матери Вадима Изборского, я нашёл в совершенно неожиданном месте. В работе человека, чей авторитет был велик, а тяга к знаниям огромна, – великой государыни российской Екатерины II. В какой-то момент жизни императрица увлеклась историей своей новой Родины и подошла к этому вопросу вполне серьёзно. История России, написанная рукой Екатерины, довольно детальна, в ней есть буквально всё: и кто от кого родился, и какие князья где правили, кто с кем воевал и т. д. и т. п. Словом, все основные события изложены, правда после середины XII века она обрывается. Но достаточно и этого. Кроме «Истории», великая императрица написала пьесу, которую так и назвала: «ИЗЪ ЖИЗНИ РЮРИКА». В первом же действии этой самой пьесы умирающий Гостомысл доводит до сведения старейшин свою последнюю волю, кому и почему он передаёт власть: *«Дѣти средней дочери моей Умилы, супруги финскаго короля, отъ рода Одина, который Сѣверомъ обожжаемъ»*. Власть переходит к Рюрику по праву старшинства, и никак иначе. Традиции соблюдены. Вадима в этой пьесе Гостомысл именует: *«Тебѣ, Вадиму, любезному моему внуку, въ коемъ вижу образъ меньшей моей дочери»*.

Чуть дальше в тексте есть ещё одна фраза, которая подкрепляет предыдущую, показывая уверенность русской императрицы в написанном ею ранее. Расписывая разговор между Добрыней и Вадимом, она вкладывает в уста Добрыни следующие слова: *«Нѣтъ, онъ по справедливости и всенародному желанію отдалъ наслѣдіе старшему своему внуку, а ты младшій»*. Не скрою, что у Екатерины несколько иной подход к Рюрику. Но сейчас дело не в этом, а в том, что Екатерина своим царственным мнением невольно подтверждает эту теорию.

Собственно, к этому же мнению позже приходит и сам Татищев, степенно размышляя о том, что *«оный Рюрик по завещанию и определению Гостомысла призван, и хотя у Гостомысла сына и внука не осталось, но посторонних линий князи были, о чем ниже, а новгородцы избрание народное Рюрика против точного сказания вымыслили»*.

Сумбурное и местами нелепое описание Нестором призвания варяга на власть вольно или невольно подтверждает это размышление Татищева. Вы можете сказать, что там ничего и близко об этом нет, но ошибётесь. Если присмотреться к информации, данной Нестором, внимательно, отбросив ненужную шелуху, то именно его запись поясняет, что и почему происходило в Северной Руси после смерти Гостомысла.

«История варяжского проникновения в славянские земли достаточно темна», – глубокомысленно заметил после прочтения труда Нестора Лев Николаевич Гумилёв.

В изложении Нестора события происходят под 859 годом. *«Тогда умер славянский князь Гостомысл без наследия. И начали люди сами меж собою владеть, но не было в них справедливости; восстал род на род, были междоусобия, воевали друг на друга, сами себя более, нежели неприятели, разоряли. Сие видя, старейшины земли, собравшись от славян, руси, чуди, кривичей и прочих пределов, рассуждали, что земля Русская, хотя велика и обильна, но без князя распорядка и справедливости нет; сего ради нужно избрать князя, который бы всеми владел и управлял. И согласясь, по завещанию Гостомыслову, избрали князя от варяг, называемых руссов»*.

Иными словами, «случились распри и войны, когда скончался король».

Что же произошло? Давайте разберём несколько страниц ранней русской истории, так и оставшихся неизвестными нам во всех подробностях. Казалось бы, всего «десяток фраз, пленительных и странных», а за ними стоит трагедия целой страны.

Гостомысл умер. Что само по себе для народа было большой печалью. Смутное предчувствие беды стало закрадываться в их души. Темные пророчества стали раздаваться всё чаще. И не случайно. Ситуация сложилась непростая. Завещание своё, свою последнюю волю, он оставил, и она недвусмысленна – княжить должен его старший внук Рюрик, хоть он и варяг. Но этим решением довольны были далеко не все. Многие из славян ещё помнили, что совсем недавно они платили варягам дань и только благодаря тому же Гостомыслу они от этого гнёта избавились. На месте вождя должен быть славянин такой, как Вадим Изборский, пусть и в нарушение прав старшинства. Учитывая, что и Гостомысл благоволил внуку. Подставляться вновь под варягов многим не хотелось. Знали, чем это может кончиться. Скажу сразу: они не ошибались. Сторонники Вадима составили целую партию. Первоначально задачу в борьбе им облегчил тот факт, что внук, выбранный на должность верховного вождя, ещё из-за моря не прибыл. Возможно, что он и сам ещё не знал, какое ему выпало счастье, иначе поторопился бы. Однако не все были едины, сторонников традиций было немало, и раз вождь сказал, и преемственность и законность при этом соблюдены, то так тому и быть. Ждём. А там будь он хоть папуас. И никаких тут вещей снов. Начался раскол. Единство земли было нарушено. Татищев довольно точно обозначает причину: *«Из-за неприбытия вовремя наследника великие разорения происходили»*. Партии сколачиваются в стаи, начинается конфликт, обе стороны берутся за оружие, чтобы доказать свою правоту. Или словами всё того же летописца: *«Пошёл род на род»*. Шла борьба за власть в её худших проявлениях. У каждой стороны своя правда, и каждый хочет как лучше. А была и третья сторона, сбрасывать со счетов которую совершенно невозможно, – это племена и области, которые Гостомысл подчинил, и они планировали теперь вернуть себе независимость. И не нужно думать, что внутренние распри были сочинены летописцем, они явно являются отголоском исторической действительности.

Понятно, что сторонники традиций могли торопить варяга Рюрика с приездом. Ведь он должен был приехать не один, а привести с собой силу, способную решить исход борьбы в его же пользу. Возможно, и поэтому Рюрик, идя к месту новой службы, прихватил с собой братьев и их дружины. Он знал, что придётся пролить кровь, но в этот раз закон был на его стороне, и он не выступал как завоеватель. Он был законный наследник!

Скорее всего, именно это имел в виду Нестор, когда описывал ситуацию призвания варяга. В этом случае в словах его присутствует доля правды. И главное, что тогда всё сходится. Даже призвание варяга на трон. Только вот выбирали его не единодушно и совсем не для того, чтобы спасти землю Русскую. И это не ПРИЗВАНИЕ СЛАВЯНАМИ ВАРЯГОВ, а вызов к месту службы конкретного человека, несмотря на то что он варяг.

Тут мы ступаем на скользкую почву. Весь вопрос в том, какой национальности новый славянский князь. То есть Рюрик. Скользкую для некоторых, потому как сомнений по здравом размышлении не может быть никаких. Замечу, многие поколения русских людей, живших до этого, даже не подозревали о том, что эта тема может хоть когда-нибудь стать скользкой или щекотливой. В одной из своих книг с М. Елисеевым мы уже плотно разбирали этот вопрос, поэтому долго на нём останавливаться не буду и, чтобы не повторяться, зайду с иной стороны.

Итак, на повестке дня национальный вопрос.

Спор возник на пустом месте, из одного лишь необъяснимого желания сделать Рюрика как основателя рода Рюриковичей славянином. А зачем? Из чувства гордости за своих предков? Так это совершенно ни к чему. Чтобы не было обидно, что у истоков русской государственности стояли пришлые варяги? Да и из истории, как и из песни, слова не выкинешь. Так вот случилось, что в числе первых русских князей было действительно несколько иноплеменников. Ну и что из этого? Национальная гордость от этого не пострадала. Тем более что если

уж быть точными, то варяги не являлись создателями Руси и её государственности, они только включились по ходу в этот процесс, сыграв в нём значительную роль и умалять их значение в русской истории было бы глупо. Всё остальное – это борьба историков за личные амбиции и поиск дешёвых сенсации на потребу малознающей публики. Почему именно Рюрик был выбран летописцами на эту роль, вы узнаете чуть позже. Остальное сделали немцы.

Но вернёмся к варягам, из коих вышел новгородский князь.

«Варяги же были разных названий, как то: свиш (шведы), урмань, ингляне и гуты (готы). А свиш отдельно варяги руссы (се есть финны) зовутся». Так в последнем, заключительном пассаже о призвании Рюрика Нестор разделяет варягов на отдельные народы. При этом он довольно смело причисляет Рюрика и русов к финнам. В этом же направлении мыслит Екатерина Великая, нимало не сомневаясь, именует Рюрика варягом, от рода Одина. *«дъти средней дочери моей Умилы, супруги финскаго короля, отъ рода Одина, который Съверомъ обожжаемъ».* А кто такой Один и какое он отношение имеет к викингам, знают, наверное, все. Она же уверенно называет его сыном финского короля.

Финн Рюрик или нет, этот вопрос мы оставим в стороне. Главное, что он варяг, главное, что не славянин. Доказательств этого множество. Подкреплю своё мнение несколькими цитатами, с которыми полностью согласен, и тем, что так удачно сформулировал С.М. Соловьёв уже намного позже, чем это сделала Екатерина Вторая. А заодно это ответ тем, кто по каким-то своим, неизвестным причинам так и норовит причислить Рюрика к славянам.

«На приведенных местах летописи основывается мнение о скандинавском происхождении варягов-руси и основывается крепко; вот почему это мнение древнейшее, древнейшее в науке, древнейшее в народе. Свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными: известием, находящимся в Бертинских летописях, что народ рос принадлежит к племени свеонов известием Лиутпранда, епископа кремонского о тождестве руссов с норманнами; известием арабских писателей о нетождестве варягов, руси и славян. Подле этого мнения, основанного на очевидности, некоторые хотели и хотят дать место предположению, что князья варяго-русские и дружина их были происхождения славянского и называют преимущественно на Поморье (Померанию) как на место, откуда мог быть вызван Рюрик с братьями; но для чего нужно подобное предположение в науке? Существуют ли в нашей древней истории такие явления, которых никак нельзя объяснить без него? Таких явлений мы не видим. Скажут: славяне должны были обратиться к своим же славянам, не могли призывать чужих, но имеет ли право историк настоящие понятия о национальности приписывать предкам нашим IX века?» (С.М. Соловьёв). Единственное, что хотелось бы поправить: суть не в «понятиях национальности», а в следовании сложившимся традициям и укладу, и в этом смысле национальность претендента роли совершенно не играла. Главное, чтобы он был одной крови или родственник прежнего правителя.

А вот что известный историк говорит о варягах и русах, кто они и откуда.

«Сличив различные толкования ученых, можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских, на востоке, у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями.

Таковы, по нашему мнению, вероятнейшие выводы, какие можно добыть из многочисленных толков о варягах и руси» (С.М. Соловьёв).

Татищев как будто подозревал, что споры о происхождении Рюрика будут возникать периодически, поэтому сей учёный муж тоже внёс свою лепту в борьбу с мракобесием.

«У нас же ни в каких старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от пруссов и от цесарей римских пошел, нет; но все же известна оная сказка о происхождении про от цесаря Августа, несмотря на то, что ни от него, ни от брата никакого потомка, ни по женскому от Нерона, не осталось. Сначала Глинский, слыша оные басни в Литве, привнес, Герберштейн утвердил, а Макарий митрополит первый в своей летописи, также как Астрахань Тмутараканью назвал, без всякого от древних доказательства за истину приняв, положил; но обе оные басни по доводам отвергаются. Подлинное ж пришествие их без сомнения из Финляндии от королей или князей финляндских, и явно, думается, от близко сродных к Узону королю 14-му, потому что финны руссами, или чермными, назваться могут. Оное утверждает видимый цвет волос их, что между ними, не говорю все, а, конечно, более, нежели где-либо еще, рыжие волосы имеют. У них же 2) при Аbove в самом, почитай, в городе зовется Русская гора, где, сказывают, издавна жили руссы. 3) Что они варяги именованы, то Нестор дословно говорит: „Варязи русь сице бо тиши звахуся, а сиши друзии зовутся свие, друзии же урмани, ингляне, друзии гутти“. Из сего можно совершенно видеть, кого он варягами зовет, и что более к доказательству потребно сослаться на такого, который сам совершенно о варягах знал, ибо, несомненно, имел с ними обхождение» (В. Татищев).

Совершенно верно. Кому же доверять, если не человеку, который получил знания исходя из личного опыта.

«Не могли Рюрик с братиею славяне или вандалы быть, ни из Пруссии, ни тем более из Италии произойти» (В. Татищев). Добавляет великий историк, как бы ставя этим утверждением точку в набившем оскомину споре.

Но если уж кому нужно видеть в Рюрике славянина, то есть решение и для этой задачи. Дедом Рюрика был Гостомысл, а то, что он славянин, ни у кого сомнения не вызывает. Матерью Рюрика была славянка Умила, что тоже сомнению не подлежит. Отец подкачал, потому как был варягом. Но если довериться в этом вопросе евреям, а они считают себя лучшими специалистами в вопросах крови и определяют национальность по матери, то Рюрик окажется никаким не варягом, а чистым славянином. И не нужно копыя ломать.

Но мы немного отвлеклись. Вернёмся к самим событиям.

По призыву сторонников последней воли Гостомысла Рюрик прибывает на место новой работы. Прибывает он в сложное время. Междоусобица не окончена, и кто возьмёт верх, пока непонятно. Но Рюрик успел вовремя. Мало того, он был готов к войне и кровопролитию, кроме своей дружины он привёл ещё двух братьев со своими людьми, которых здесь вовсе никто не ждал и которых, собственно, и не звали. Если Рюрику они были братья, то Гостомыслу они были и вовсе никто. И к его дочери они никакого отношения не имеют. В их жилах бежит чужая кровь. Но Рюрик знал, какая высокая ставка стоит на кону. Любой из варяжских конунгов пошёл бы на какие угодно жертвы, только бы завладеть территорией, бывшей ключом к двум торговым путям. А Рюрика ещё и пригласили сюда сами. Такая удача плыла мелкому варяжскому князьку сама в руки. За это стоило проливать кровь.

И снова возникает вопрос, от которого никуда не уйти, он как бельмо на глазу. Зачем ильменским славянам целых три князя вместо одного умершего? И если звали одного, то зачем нам ещё двое? Вопрос резонный. Всегда найдётся любопытствующий человек, как я, например, который спросит: А почему собственно? И действительно, зачем? Над ответом на него наверняка ломал голову не один историк. И если исходить из привычной версии призвания варягов, то разумного объяснения этому нет. Значит, ответ надо придумать, и всё только для того, чтобы Рюрик, который был назначен родоначальником правящей династии и отцом самодержавия, изначально не выглядел тираном и захватчиком. Его обязательно нужно было оправдать. Хоть как.

Появилась на свет теория Г.З. Байера, что имя «Синеус» представляет собой искаженное старошведское «свой род» (швед. sine hus), а «Трувор» – «верная дружина» (швед. thru varing). Эту же версию поддержал и развил сам часто причисляемый к первоисточникам Лев Николаевич Гумилёв. Он же договорился до того, что поведал невзыскательному читателю о том, что именно Гостомысл совместно с варягом Рюриком и произвёл переворот, содействуя вокняжению варяга в славянских землях с помощью меча. Что само по себе уже ни в какие ворота.

Поражает одно: в этой ситуации Л.Н. Гумилёв, ошибаясь и искажая простые истины, оказался прав в самой сути. Именно с подачи Гостомысла Рюрик «примерил на себя нетленный пурпур королевских мантий», сев на трон, и утвердился там с помощью меча.

Однако вернёмся к братьям Рюрика. Мы видели, как легко, одним росчерком пера Байер, а за ним и Гумилёв расправились с незваными пришельцами. Если следовать их доводам, кстати, крайне сомнительным, то выходит, что Рюрик приходит княжить не с двумя родственниками, а лишь со своим родом и верной дружиной. А никаких легендарных братьев Синеуса и Трувора просто не было. Они испарились. И всё снова встаёт на свои места, так, как и должно было быть. Чтобы никаких вопросов.

Но вот незадача!

Е.А. Мельникова, один из ведущих скандинавистов-филологов, не так давно доказала полную несостоятельность интерпретации имен Синеуса и Трувора как «свой род» и «верная дружина» (как подстрочного перевода древнескандинавских sine hus и thru varing, не понятых «тёмным» Нестором). По её утверждению, такая версия могла получить своё развитие только среди историков, не знакомых с древнескандинавскими языками, поскольку эти «фразы» абсолютно не соответствуют элементарным нормам морфологии и синтаксиса древнескандинавских языков, а также семантике слов hus и vaeringi, которые никогда не имели значения «род, родичи» и «дружина». Спасибо ей за это!

Это ответ с, так сказать, филологической точки зрения. Но и с точки зрения здравого смысла и анализа дальнейших источников версия про род и дружину тоже не выдерживает никакой критики. Ибо из летописей сразу видно, что это не ошибка Нестора или иного составителя, а имена собственные, за которыми стоят конкретные люди. Так что попытка выдать братьев за ошибку летописца не удалась, а вопрос остался.

А объяснение просто и лежит на поверхности.

Наследие Гостомысла было довольно велико и перспективно, но, чтобы его получить, нужно было побороться, пустить кровь, а в этом случае дружины братьев не будут лишними. Рюрик решает разделить наследство со своими варяжскими родственниками. К тому же нельзя исключить возможности, что ему приходится брать их с собой вопреки собственному желанию. Слишком уж заманчива возможность закрепиться на пересечении торговых путей. Другой такой может и не представиться. Их личные владения были более чем скромны, и тут такая удача. Такой шанс выпадает крайне редко, упускать его было нельзя. Что там, в родной Скандинавии? Лишь жесткие травы, растущие из древних камней. Нехватка плодородных земель, стремление к обогащению, неласковая природа родных мест при значительном перенаселении приморских районов Скандинавии – все это неумолимо гнало викингов на поиски новых мест. Туда, где жизнь, если и не была легче, но сулила удачу отважным и богатство смелым. *«В оном состоянии короли, имея многие между собою несогласия, жестокие войны вели, которые создали ожесточенное северных народов мужество и, справедливо будет сказать, сделавшие их свирепыми»* (В.Н. Татищев). Именно такие «короли», с кипящей кровью в груди, с незнающими жалости мечами, и отправились за славянским наследством.

Какими они приходились братьями Рюрику, летопись не указывает. Скорее всего, сводными. Вполне понятны в данном случае недоумение славян и их недовольство. Звали одного – пришли трое и с войском. А это уже было больше похоже на оккупацию. Вот тут и призаду-

маешься. А самим варягам в этот раз предоставлялась легальная возможность закрепиться на русской земле. Что, собственно, они и сделали.

Но мы снова отвлеклись и ушли в сторону от основного повествования. Вернёмся к тому моменту, когда хмурые викинги, призванные из-за морей оказались в славянских землях.

Пискарёвский летописец докладывает: *«Избрашася от немец три браты с роды своими и пояша с собою дружину многу»*. Новгородская IV летопись, продолжая рассказ об этом событии, сообщает нам, что варяги, не успев прийти *«начаша воевати всюды»*. Зарыдала страна под немилостью Божьей.

В книге «Будинский изборник IX–XIV вв.», которая представляет «Арамейскую Библию» и «Аскольдову летопись», источнике довольно недостоверном, часто искажающем русскую историю, притом весьма топорно, но наделавшем много шума, можно найти совершенно восхитительные места, которые своим колоритом дополняют историю официальную. Источник действительно ненадёжный, но в редких случаях можно пользоваться и им. Не строя на нём основной фундамент выводов и предположений и не полагаясь как на истину в абсолюте. Лишь как дополнение, а возможно украшение. Приведу одну выдержку, которая прекрасно впишется в нашу историю о варяге, ошастливившем славян своим появлением.

«В том же 863 году приходили в Новгород и Плесков из Чудского Заволочья и из мери некие два старца, волхвы, и огласили на торжище людям новгородским и плесковским, что Рюрик – это шведский варяг, и настоящее его имя Рудерекс, так как рыжие волосы имеет и любит пить кровь людскую, потому что он упырь и людоед, и любит проливать кровь людскую и тела их поедать, а русских и словенских людей он будет смерти предавать... потому что очень злой этот князь.

И началась от этих известий великая печаль у словен, потому что испугались этого ярла из варягов-русов... И еще сказали эти старцы, что большие беды придут к словенским родам, потому что никакого прокормления им не будет от этих ярлов, но пагубы им чинить будут вплоть до смерти; а отец этих ярлов, князь Годслав, приказал князей словенских убить: и Вадимира, и Будигоста, и Избора, так как они истинные князья Руси Словенской, и вот тогда придут ярлы из варягов-русов.

И еще один старец вещий сказал, что нужно род Рюриков за море изгнать; а князей словенских от пагубы Рюриковой защитить...»

Написано со знанием дела.

Суть передана довольно точно. И главное, пророчество волхвов сбылось.

Едва взойдя на дедов трон, Рюрик начинает действовать. Обращаю внимание на трактовку, которую дают летописи. Когда Гостомысл пришел и выгнал варягов, то, подводя краткий итог событию, летопись говорит: и стало тихо по всей земле; когда на Русь приходят Рюрик с братьями – *«начаша воевати всюды»*. А как воюют викинги в северных землях, можно понять из их же скандинавских саг, относящихся к этому периоду. Вот как они описывают появление варяжского конунга Стурлауга с дружиной в Гардарике: *«Когда они прибыли в страну, пошли они по земле, совершая грабежи, сжигая и паля везде, куда бы они ни шли по стране. Убивают людей и скот»*. Рюрик и его люди действовали точно так же. И встало над славянской землёй зарево огня. Пришлая военная сила, хорошо вооруженная, организованная, и села на шею тем, кто ее приглашал. И кровь пролилась потоком. По лесам и плоскогорьям в кольчугах из горячей меди разбежались свирепые убийцы. Тут как нельзя лучше подойдут строки русского поэта Н. Гумилёва: *«Тотчас бешеные волки в кровожадном иступленьи / В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь»*. *«Сих князей пришествием, видимо, народ славянский настолько уничтожен был, что мало где в знатности славян осталось, но всюду имена варяжские упоминаются»*, – подводит итог плодотворной деятельности братьев-варягов Татищев. Это новый князь Рюрик, в чьих глазах видно сверкание стали, раздаёт своим братьям-викингам исконно славянские земли.

«Племена, жившие на северо-западе, должны были подчиниться знаменитым морским королям, предводителям европейских дружин, вышедшим с берегов Скандинавии» (С.М. Соловьёв). Татищев, подводя горестный итог, восклицает: «Прежде были князи по родам их, а ныне владеют бывшие от рода варяжского».

Так и просится сама собой одна из фраз Л.Н. Гумилёва: *«Но древние славяно-русы в X в., в отличие от иных народностей, были пассионарным этносом. Надлом, т. е. переход из акматической фазы в инерционную, связанный с варяжской узурпацией, унес много жертв и принес немало позора, но не полностью уничтожил пассионарный генофонд в стране».*

Одной из первых жертв борьбы славян с варягами стал изборский князь Вадим Храбрый.

Пока Рюрик шёл на Русь в Старую Ладугу, шло и время. Две славянские партии всё крепче схватывались друг с другом. Партия Вадима, то есть славян побеждала, а вождь её был там, где ему и положено быть, – в столице. Рюрику было необходимо нанести разящий удар, чтобы взять власть. Значит, жизненно необходимо было уничтожить славянского вождя и обезглавить его партию. «Завтра мы встретимся и узнаем, кому быть властителем этих мест», – думал Рюрик, точа свой меч.

Власть не яблоко, его пополам не разделишь. Выжить должен был сильнейший. Убийство Вадима Храброго становится одним из первых громких политических убийств на Руси. Тёмная это история. *«Того же лета оскорбишася Новгородци, глаголюще: „яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его“. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных мнози изби Новгородцев светников его» (Никоновская летопись).*

Об этом убийстве присутствует информация и у В.Н. Татищева: *«Нестор рассказывает, что Рюрик убил славянского князя Вадима, что в народе смятение сделало. Может сей таков же внук Гостомыслу, старшей дочери сын был, который большее право к наследству имел и из-за того убит».*

Это не равная война. Это заранее подготовленное и хорошо спланированное мероприятие по уничтожению противника, да так, чтобы он и опомниться не успел. Это схватка, в которой, как в зеркале, отразился дух тех далёких времён. Упал под мечом коварного Рюрика могучий изборский воин Вадим, пал смертью храбрых, а вместе с ним погибли и те, кто отстаивал славянскую свободу. И это были не один и не два человека. Гибель Вадима и его бойцов открыла доступ викингам в земли кривичей, а конкретно к Изборску. С кривичами Гостомысл породнился за счёт младшей дочери. Его уже некому было особо оборонять, поэтому вскоре там поселился брат Рюрика Трувор.

Летописец нарочно разводит даты прихода варягов в славянские земли и дату гибели Вадима. Он относит её к 869 году, а то и к 872-му, но это вряд ли. Вряд ли Рюрик набрался терпения и выжидал десять лет для того, чтобы расправиться с наипервейшим своим соперником. Викинги надолго решение таких вопросов не откладывали. Сам ли он это делает или по принуждению, но его можно понять. Если даты поставить в порядке логики и одну следом за другой, то тогда получится не призывание к власти Рюрика, а натуральный захват её варягом. Мало того, пришедший из-за моря викинг с булатом вместо сердца пролил в борьбе за власть кровь своего родственника, ведь они оба были внуки Гостомысла и в них обоих текла его кровь. Это ещё не братоубийство, но тоже малоприятное обвинение. Поэтому родство двух претендентов на престол хронистами как бы замыливается, затирается, чтобы не бросалось в глаза. Указать причину, по которой Вадим погиб, летописец не может, и он обозначает ее, точно формулируя – не хотел стать рабом. Именно поэтому убийство не могло произойти в сроки указанные в летописных свитках. Говоря словами Н. Гумилёва: *«Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь».*

Пока был жив Вадим, природный хозяин Изборска, никакому Трувору было там не поселиться. Никогда. А так: нет человека – и нет проблемы. Вот после его смерти викинги смело

могли там обосноваться. И так произошло не только с кривичами. Теперь беды кровавой было не избыть.

Синеус и его бойцы выбрали иное направление. Они пошли по старому Варяжскому пути, их целью было Белоозеро. Меря не упоминалась в рассказе о призвании варягов на власть и уж точно в нем не участвовала. Этот народ жил отдельно и самостоятельно до тех пор, пока не пришёл Рюрик с братьями. Вихрем грозovým налетели викинги и прибрали всё к своим рукам. За мерю впервые покорена и мурома.

Вот и получается, что Синеус и Трувор ничего у брата Рюрика не просили и ничем ему обязаны не были. Ничего он от своих земель им не отдавал, как раз наоборот: когда братьев не стало, именно он, ладожский князь Рюрик, присвоил себе их земли и стал единоличным правителем. Так что волей или неволей, а братья потрудились на Рюрика.

Теперь подведём черту под изложенными выше свидетельствами источников. Рюрик поселился у славян ильменских, второй, брат Синеус, – между чудью и весью на Белоозере, третий брат, Трувор, – у кривичей в Изборске. Можно представить себе группу военных лидеров, властвовавших как над территориями, так и над людьми, которые их населяли. Пока ещё эти вожди боролись за сравнительно мелкие сферы влияния. Невольно напрашивается вывод, что викинги, пришедшие с Рюриком, завоевали эти народы, подмяли их под себя. Это была полная победа.

Отшумели у славян прощальные тризны по погибшим героям, и остались лишь бессильные, полные укоризны и обиды рыдания в подушку, но бывшее уже не воротись, да и пенять не на кого. Жить да жить бы им без печали, да сами они накликали беду на свою голову! Пришла беда, откуда не ждали!

Пока Рюрик лишь победил, но ещё не закрепился прочно на престоле, Ладога была ему удобна как столица. Положение его всё ещё было шатко, далеко не все славяне хотели видеть его своим вождём, особенно после того, что увидели собственными глазами. Рюрик это понимал и готовил следующие удары по своим новым подданным. Сейчас ему было не до перемен, тем более Ладога находится ближе к устью Волхова, чем построенный им позже Новгород, и если бы свою войну Рюрик проиграл, то бежать отсюда было бы очень удобно. А повод для таких тревог был. Он, несомненно, слышал сказания о том, как его доблестный дед изгнал варягов, и это должно было научить его осторожности. Он учитывал суровость призвавшего его племени, может быть, именно поэтому действовал сразу так решительно и жестоко.

Вот теперь мы вплотную подошли к появлению на Руси совсем ещё юного викинга Хельга, которому предстояло стать в будущем легендарным киевским князем Олегом по прозвищу Вещий.

Но прежде чем пойти дальше, хотелось бы ненадолго задержаться на теории призвания варягов, или, как ещё её называют – теории норманизма, ибо она напрямую ассоциируется у многих с началом государства Российского.

Глава 3. Несколько слов о теории норманизма

Государство Российское построено пришлыми варягами, именно их трудами возшло величие Руси – вот такая существует популярная теорема. Много учёных пытались её доказать и возвести в абсолют, но за все эти столетия аксиомой она так и не стала. Что на самом деле совершенно верно. Казалось бы, и спорить здесь не о чем, однако спор о месте варягов в русской истории тянется уже давно, то затухая, то вновь разгораясь. К сожалению, ещё два столетия назад этому спору был задан неверный вектор. А ведь нельзя найти правильный ответ на вопрос, который изначально поставлен неверно. Вот об этом я и хотел поговорить в этой небольшой главе.

Что касается самой теории призвания варягов на власть, то она хоть и привычна, но по своей сути просто абсурдна. Подумайте сами. В чём вообще заключается её смысл? Жили себе славяне, развивались, строили города, боролись с внешними врагами, одним словом, крепили, но порядка, или устройства, в их землях все же не было, жили плохо, ругались, и хозяйство их постепенно приходило в упадок, ветшало. А жить хотелось лучше, и поняли они тогда, что самим им с этой задачей не справиться, нет среди них людей, которые могут не только создать государство, но и сделать страну могучей и процветающей. Тогда упали они в ноги варягам и призвали их на царствование, потому что только они – варяги – могли вывести их – славян – к светлому будущему. Даже на первый взгляд всё это звучит довольно странно, особенно учитывая тот факт, что викинги, варяги, или норманны, стояли точно на такой же ступени развития, как и славяне, и уж если они не смогли создать и своё государство, то что они могли предложить тем же славянам? Грабить и нападать они умели, а вот строить, создавать?

Это Лев Николаевич Гумилёв в восхищении подвёл нехитрую базу под этот выбор, сказав о викингах, или, если хотите, варягах, мощно и ёмко: **«Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию»**. После такого определения все сомнения, к кому славянам нужно было обращаться по поводу устройства своего государства, отпадают напрочь! Но славяне, они же были древние, они таких слов отродясь не слыхивали. Поэтому их этим вывертом было не взять. Им не викинги – отважные рубаки нужны были, а человек, по закону наследующий предыдущему государю.

Отчего же прижилось у нас в истории такое довольно дурацкое предположение. На самом деле всё довольно просто. Началась эта история давно, с того момента, когда к изучению русской истории как предмета важного и нужного были привлечены иностранные специалисты. Этими специалистами оказались Байер, Миллер, Шлёцер. Речь пойдёт не об их профессионализме, а о некоторых других качествах, которые на него повлияли. Историки, как и все люди, не лишены слабостей и недостатков. Немецкие историки не были исключением из правил. А если сказать точнее, то совсем наоборот. Самым серьёзным из их недостатков была необъективность. А для историка это недостаток довольно серьёзный. Держалась она, как когда-то земля, на трёх китах: высокомерии, убеждении в превосходстве немецкого народа над всеми другими, особенно славянскими, и пренебрежении к русским людям. Находясь на службе у Русского государства, они презирали русский народ в целом и русскую культуру в частности, что предопределило их предвзятое отношение к истории России. Им хотелось представить славян тупыми и вялыми варварами, а приплывших варягов энергичными героями, подвижниками, возглавившими массы и выведшими их к свету. Как Данко, который своим собственным сердцем освещал дорогу людям. Кстати, у Данко и Рюрика довольно много общего. Они почти близнецы-братья, судите сами. Вот что написано о Данко: он *«сын орла и женщины»*, а у нас стало популярно называть Рюрика – Соколом. *«Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу»*, что для новгородского князя характерно. *«У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел этого»*. У Рюрика, исходя из

летописных известий, тоже есть подобные проблемы. И оба освещают дорогу своим сердцем. Видимо, эта мысль не давала покоя Августу-Людвигу Шлёцеру, поэтому он так и писал: *«Русская история, начинается от пришествия Рюрика и основания русского царства... Перед сею эпохою все покрыто мраком, как в России, так и в смежных с нею местах. Конечно, люди здесь были бог знает с которых пор и откуда сюда зашли, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, не имевшие никакого сношения с другими народами, почему и не могли быть замечены ни одним просвещенным европейцем»*.

Запись в древней русской летописи о призвании варяга Рюрика, обнаруженная им, электрическим разрядом пронзила мозг Готлиба-Зигфрида Байера: оказывается, все на Руси начиная с древности создано только благодаря призванию таких же, как он сам, иностранцев и под их началом! Блестящая догадка! Поразительная! Так он совершил открытие, которое изменило подход к русской истории на века.

Всё это сильно напоминает учение о природном превосходстве «нордической расы», то есть северных арийцев, над всеми прочими народами. Позже из этой же или очень похожей идеи вырос обыкновенный фашизм.

Шлёцер, подхватив почин коллеги, продолжил развивать эту теорию: *«Дикие, грубые рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев, которым назначено было судьбою рассеять в северо-западном и северо-восточном мире семена просвещения. Кто знает, сколь долго пробыли бы русские славяне в блаженной для получеловека бесчувственности, если бы не были возбуждены от этой бесчувственности нападением норманнов»* (Шлёцер).

Теория эта оказалась удобна для многих учёных, притом совершенно по разным причинам. Одних норманизм привлекал *«резким противопоставлением господствующей верхушки, происходящей от воинственных, творчески одаренных „варягов“, остальной массе населения, пассивной и неспособной, годной лишь для эксплуатации»* (Л. Клейн). Карамзину, воспевавшему царскую власть, было удобно излагать свою «Историю» в основном по Байеру и Шлёцеру. Поэтому он и сомневался в существовании Гостомысла. Тот был ему просто не выгоден. Своим существованием он грубо нарушал все теории. Выгоден норманизм оказался и иной стороне: М.Н. Покровский, возглавлявший историков-большевиков, увидел в «норманской теории» одно из средств борьбы против великодержавного шовинизма.

Так было забыто всё, что было на Руси до пришествия Рюрика: Буригой и Гостомысл, легендарный Кий, Ладога и Киев. Славные походы на Византию и варягов. Мало того, славянские князья Аскольд и Дир под эту же гребёнку были причислены к варягам, которых Рюрик отпустил от себя на поиски ещё не осчастливленных славянских территорий.

Известный русский патриот и учёный Михайло Васильевич Ломоносов кратко и сочно охарактеризовал заявление Шлёцера и его самого, непосредственно переходя на личность: *«Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина»*. Грубо, но в точку!

В 1949 году советский историк профессор В.В. Мавродин по-иному сформулировал вред, который несёт в себе «немецкий подход»: *«Политический вред „норманской теории“ состоит в том, что она... отрицает способность славянских народов создать собственными силами самостоятельное государство»* и льет «воду на мельницу реакционных космополитических идей „теоретиков“ из антидемократического империалистического лагеря». Пусть и классовый подход, но верный.

Профессор Шахматов также считал, что, излагая события IX–X веков, летописец несоизмеримо их деяниям выпятил значение варягов. Он даже назвал его первым русским норманистом. Однако он не совсем прав. Если внимательно вчитаться в летописный текст, то создаётся такое ощущение, что его писало либо два человека, либо человек под принуждением, есть ещё, правда, третий вариант, что летопись эта была подправлена задним числом, и притом не

очень умело. И вот почему. Обратите внимание. С одной стороны, летописец действительно подчёркивает своим славословием значимость Рюрика и его братьев, призванных «княжити и володети» на Руси в качестве мудрых и справедливых правителей. С другой стороны, никаких конкретных дел этого величия он не приводит, мало того, он достаточно скрупулезно отмечает все негативные последствия, которые варяги притащили с собой на Русь. И вот их действительно немало. Ни Рюрика, ни его братьев, ни иных викингов он не щадит. И если отделить зёрна от плевел, а славословия от поступков, то получается, что варяги просто подчинили себе мечом северные земли Руси, правда у них для этого был действительно законный повод. В защиту летописцев нужно сказать, что они не замалчивали в своих свитках преднамеренно какие-то данные, а отражали факты настолько, насколько они о них знали и насколько могли.

Летописец во многом правильно описал ситуацию, только читали её все так, как кому было удобно. А как вы уже поняли, теория норманизма оказалась в разные времена нужна правящей верхушке по совершенно разным причинам. Даже противоборствующим сторонам. Такое случается.

Главный исторический тезис, выдвинутый приезжими учёными, прочно укоренился в науке и был таков: Рюрик был норманн, или, если хотите, варяг. Варяги происходят из Швеции. История России началась с князя Рюрика и его людей, обозначенных русью, значит, и государство Российское построили они, варяги.

Очень многие русские ученые нашли такое происхождение позорным и унижительным для народной чести, им в конце концов это стало обидно. Их можно понять. Но вместо ответа на вопрос о создании государства они не нашли ничего лучше, как попытаться доказать, что Рюрик и есть славянин и что варяги, или русы, – всё это тоже славяне. Спор этот, как вы поняли, затеял ещё Ломоносов, и за века он ушёл далеко в сторону. Повторюсь. На неправильно заданный вопрос нельзя дать верный ответ. Главный вопрос остался в стороне, а все стали спорить лишь о том, кто он, этот Рюрик. Славянин или нет?

Нам тут спорить не о чем. Во-первых, я на него уже ответил, а во-вторых, он нам сейчас совершенно ни к чему. Ничего он не решает. Мы подойдём к решению задачи совершенно с иной стороны. С той, с которой и нужно было с самого начала.

Государство у славян было и до Рюрика. На юге расцвёл усилиями славянских вождей богатый Киев. А то, что Аскольд был именно славянским князем, я вам докажу, но чуть позже, ибо этот князь будет одним из действующих лиц нашего повествования. Да и сам легендарный Кий – фигура отнюдь не вымышленная. Варяги, обосновавшиеся там, лишь были на службе у этих властелинов. Что касается Севера, то и здесь нет ничего сложного. Буривой и Гостомысл – истинные славянские вожди. Они уже, в большей степени это относится к Гостомыслу, заложили основы государства, которое прочно стояло на ногах. Всё остальное – вопрос случая. Вспомните: определения, что есть государство, я уже приводил, и не одно. Никаких двусмысленностей там нет и в помине. Если их применить к истории славян до Рюрика, то любой поймёт, что Гостомысл и Аскольд уже владели каждый созданным им ГОСУДАРСТВОМ. Либо все его определения неверны!

Наследником Гостомысла мог оказаться кто угодно, в силу того что со временем родственные связи любого князя становились всё запутаннее. Поэтому войны за престол и стали разгораться всё чаще. А значит, если быть до конца точным, то теорию нужно было назвать не «призвание варягов», а «призвание варяга». Одного, конкретного, и никого больше. Если бы славянам для управления собой нужны были варяги, то тогда им просто не нужно было освобождаться от их гнёта, так бы и жили. И не было смысла призывать Гостомысла. К тому же если нужны были именно варяги, то для этого дела совершенно не нужно было искать Рюрика и его братьев, ведь и без них этого добра вокруг было полно, а Рюрик и его братья не были из числа наиболее умных или харизматичных. Если принять эту теорию всерьёз, то это теория

самоуничужения и ничего больше. Пришли варяги и построили славянам государство. Спасибо им! Низкий поклон! И прослезились... Нелепица.

Ещё раз напомню. У викингов у самих не было ни государства, ни умения его строить, ведь и славяне, и варяги находились на одной стадии общественного и культурного развития – разложения родового строя и становления феодализма.

Когда здравый смысл удаляется на покой, то его место занимает фантазия. А в данном конкретном случае здравый смысл привлечь не удалось бы при всей возможности. Фантазия и сочинительство есть родственные души. Одно частенько переходит в другое.

Сочинительство в русской истории начинается с того самого момента, когда летописец выдает за единственную и непреложную истину «призвание варяжских князей на власть» и якобы добровольное подчинение им. А это, как вы видели, совсем не так. Просто таким сообщением летописец подводит идейную базу под событие и даёт возможность оправдать владычество завоевателей на Руси, а также обосновать княжескую власть Рюриковичей, которые якобы нужны были «отсталым племенам славян». Пока это лишь первый камешек, заложенный в фундамент сказки о построении варягами Русского государства.

Это правильный ход и очень удобная версия. Она сразу же оттеняет все славянские достижения до Рюрика. Забавно то, что, отвергая все славянские достижения, в том числе и по построению государства, летопись не может привести каких-либо, пусть даже самых мелких, примеров в пользу того, что Рюрик и его братья принесли славянам хоть какую-то пользу. Князей Олега и Игоря я нарочно оставляю в стороне. О них разговор особый, и он пойдёт дальше. Да и собственно, они к этому делу никакого касательства не имеют. Поэтому вернёмся к Рюрику.

Обратите внимание, насколько бледно выглядит фигура Рюрика в русских летописных сводах. И дело даже не в том, что описание его внешности до нас не дошло. С описанием всех первых князей сложности. Я говорю о другом. О характеристиках. Летописцы дают их Гостомыслу, который правил до Рюрика, Аскольду, который был современник Рюрика, и Олегу, который правил после него. На эпитеты не скупаются, только Сокол Рюрик выглядит на их фоне бледной птицей, альбиносом. Пропадает и выпадает. Проходит фоном. Именно поэтому позднейшие учёные пытаются кто как может разукрасить героический ореол Рюрика, отождествляя его с кем попало. Мало того, если вчитаться ещё внимательнее, то вы с удивлением обнаружите, что ни одна из летописей вообще не отзывается о князе Рюрике добрым словом и не приводит в пример ни одно его положительное деяние. Один лишь негатив. Что, информации было недостаточно? Вряд ли. Просто сказать было особо нечего. А выдумать за Рюрика иные подвиги летописцы не рискнули.

Есть ещё один интересный момент, на который стоит обратить внимание. Русским князьям обычно давались имена в честь предков, однако вплоть до конца XI века именем Рюрика среди русских князей никто не пользуется. Хотя имена Олег, Игорь и Владимир довольно распространены в княжеской среде.

Почему в большинстве изданий преподносят и превозносят Рюрика как создателя Русской государственности, а о князе Аскольде и его Киевской державе – молчок? Недаром О. Виноградов, рассказывая о первом походе Аскольда на Византию, прямо сказал: *«Историки не хотят видеть, что Киевская Русь представляла собой мощное государство, не побоявшееся отстоять свои права у могущественнейшей Византии»*.

Вы думаете, к чему это я? Ответ прост.

Рюрик и его братья – норманны, включая прибывшую с ними русь, не создавали Русского государства. Оно уже было создано до них. Поэтому спор о том, кем был Рюрик: славянином или викингом, к образованию славянского государства никакого отношения не имеет вообще. Одним словом, вклад варягов в общее дело никто не принижает, но не они одни были движущей силой, которая создала Русь.

Своё государство славяне создали сами!
Но оставим эти размышления и продолжим наше повествование.

Глава 4. Победа варягов. Великий Каган

Остановились мы на том, что война была окончена. Варяги победили и вложили свои напоенные кровью мечи в ножны. Но и победители, и побеждённые понимали, что эта война ещё не окончена. И тем и другим нужна была передышка.

Оговорюсь, что и здесь мне придётся немного переставить события местами, чтобы восстановить цельность произошедших событий.

Итак, передышка. Законный наследник наконец занял престол. Других претендентов на него нет. Перебиты. Осталось лишь неугасимое стремление славян к свободе. Но настоящие смельчаки отдали жизни в этой схватке, остались лишь те, кто больше храбрился, чем что-то делал, кто ныл, но терпел, кто сердился, но ничего не предпринимал... Всё больше шептались по углам ночами, и всё больше хотелось быть в голос, ибо было невоготу. Но варяги были для них страшнее страшных пугал, поэтому глотали унижение и маялись от безысходности. Но даже сейчас славяне ещё не были едины. У Рюрика ещё есть сторонники, ведь он законный властелин. У него планы на большее, а трон если и не шатается, то всё одно не прочен. У братьев тоже всё не так просто, но пока их спокойствие покоится на мечях витязей их ватаг. Рюрик оседлал торговые пути, но он отчаянно нуждался в пополнении своих сил. В противном случае он мог бы и не удержать власть в своих руках. Объединятся славяне за его спиной и выкинут варяга обратно. На братьев Рюрик мог рассчитывать лишь до определённой степени. Если он ослабеет, то они и сами с радостью займут его место, его трон и его территории. Нет, тут ждать нечего. Надо укреплять власть. Наёмники не нужны были варяжскому князю, ибо они легко могли перевернуться на любую сторону, окажись это выгодно. Варяги с величайшей легкостью переходили от одного князя к другому в зависимости от собственных выгод. Тут князь Сокол принимает единственно верное решение, которое разом укрепит его силы без всяческого пролития крови. Нужно срочно жениться! Где он мог найти отвечающую всем его требованиям невесту? Там, откуда он пришёл, и там, где жили люди такой же звериной масти, по тем же самым правилам войны и чести. Точно такие же, как и он сам. Как сказал историк С.М. Соловьёв, «*Скандинавия – старинная колыбель народов, высылает многочисленные толпы своих пиратов, которым нет места на родной земле*».

Это как раз было то, что нужно Рюрику. К тому же *«весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину»* (Н.М. Карамзин).

Мысль о том, чтобы породниться с кем-то из славянских вельмож, даже не приходила Рюрику в голову.

Поиски были недолги, зато дали нужный результат. Рюрик нашёл себе выгодную с любой точки зрения пассию. Это, как вы помните, была Ефанда, дочь короля урманского, то есть норвежского. Случилось это в 862 году.

«Ефанда (ок. 850), её муж Рюрик, их сын Ингвар (Игорь). После рождения сына получила от своего мужа Рюрика в вено Ижору. Брат: Хельги или Вещий Олег (ум. 912), перед 879 князь урманский (Мурманский), в 879 князь Рюрик передал ему „шурину своему... варягу сусцу, князю урманскому“ (некоторые русские летописи называют Олега племянником Рюрика) новгородский престол, которым тот владел в 879–882» (Б.И. Попов). У Татищева немного иная трактовка, но и он, ни капли не сомневаясь, именует будущего киевского князя не иначе как Олег I, шурин Рюриков, князь урманский, из Швеции.

Так в славянских землях очутился совсем ещё юный норвежский конунг по имени Хельг, которому на ту пору должно было исполниться лет четырнадцать. Молодая невеста, собрав приданое, спешно отправилась к месту работы мужа, в славянские земли. Для неё это было

повышение. Как и положено приличной жене, она отправилась на родину мужа не одна, а взяв с собой дружину, или, если хотите, отряд вооружённых до зубов отчаянных головорезов в качестве собственной охраны, или гвардии, которым командовал её ближайший родственник, то есть старший брат, которым и был Олег. Такое не раз случалось в истории, в том числе и русской. Ярослав Мудрый, отдав свою дочь за Гаральда, тоже отправил с ней в дальние страны отряд умелых бойцов, один из правнуков которых известен практически всей читающей публике под именем Айвенго. Но об этом разговор ещё впереди. Так вот, для Олега, или Хельга, такой шаг был большой удачей. На славянские земли, обширные и достаточно богатые, зарисовались многие. Мало кому удавалось там закрепиться. Но Олег тоже шёл не как враг, не как захватчик, а как родственник. Родственник законного монарха.

Возвращаясь немного назад, замечу. Круг замкнулся, смотрите сами. Олег, князь урманский, брат Ефанды, шурина Рюрика, то есть его родственник, и воевода его дружины; при этом если на мгновение допустить, что Игорь – законный сын Рюрика, то тогда Олег приходится ему дядей, или, как в раскольничей летописи, он вуй Игоря, то есть брат его матери.

Всё сошлось воедино. Летописи знали, о чём и о ком вели речь. Поэтому совершенно непонятно, почему до сих пор идёт разговор о том, кто же по национальности этот самый загадочный Вещий Олег: славянин или норманн. Некоторые додумались до того, чтобы причислить его к племени древлян, что совсем уж забавно, особенно учитывая его финансовые отношения с древлянами и изнуряющую налоговую политику Олега по отношению к ним. Но и об этом мы ещё поговорим.

С приходом дополнительных сил политика Рюрика мгновенно меняется. Он начинает резко закручивать гайки. Что для него вполне понятно, силы-то значительно прибыло. К тому же Рюрик решил изменить место своего царствования и начал строить свою новую столицу Новгород.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.